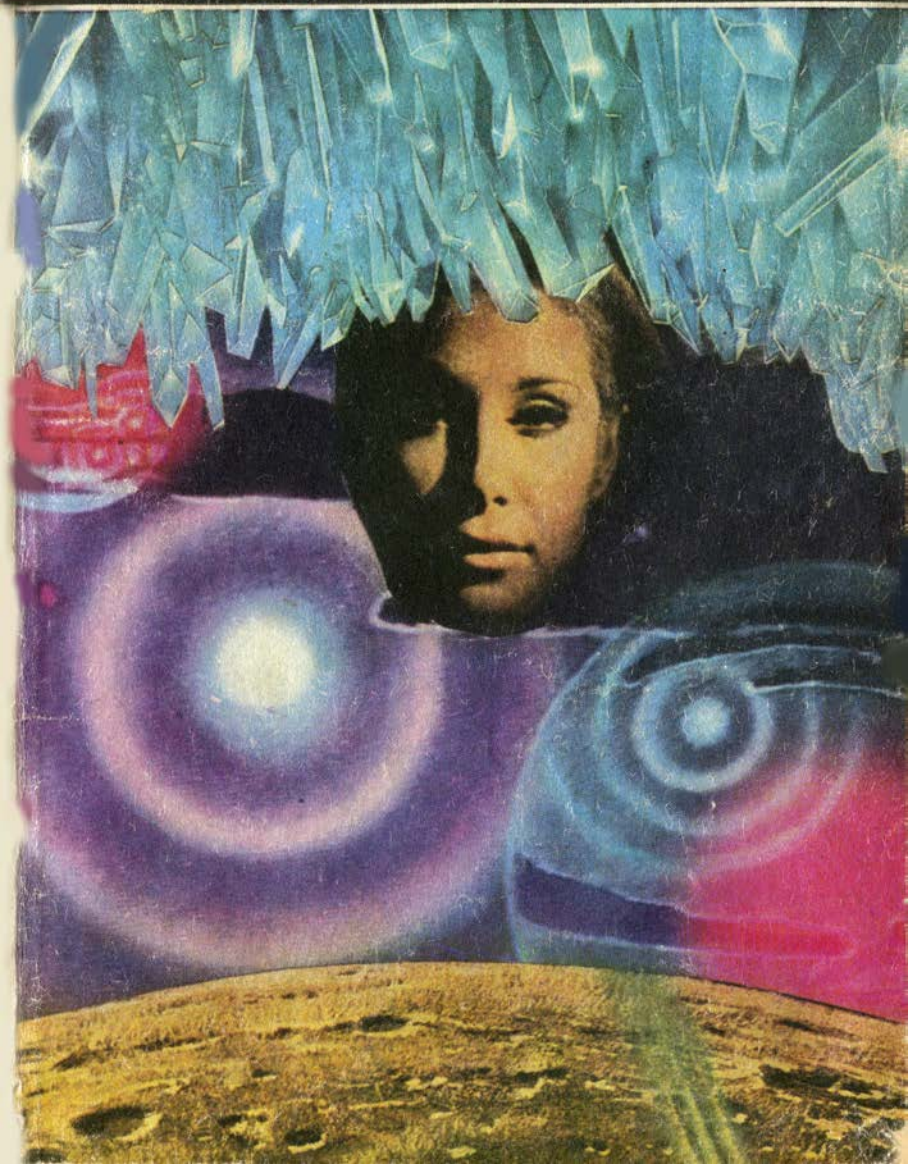

1 • 1993

ISSN 0130-6634

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Любовь ЛУКИНА • Евгений ЛУКИН

СТАЛЬ РАЗЯЩАЯ

ПОВЕСТЬ

— Да поразит тебя металл! — вопила Мать. — Да заползет он тебе в руку, когда уснешь! Да лишишься ты рассудка и поднимешь металл с земли!

Чага стояла бледная, как пепел. Уронив костяной гребень, она смотрела под ноги — на неровную, глубоко процарапанную черту, навсегда отделившую ее от живых.

Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, а живые по ту сторону стояли так тихо, что временами чудилось, будто в степи всего два человека: сама Чага и зашедшаяся в крике Мать.

— Да подкрадется он к тебе сзади! Справа! Слева! Да ударит он тебя в сердце! В печень! В кость!

Где-то рядом фыркали и переступали стреноженные звери. Ветер перекачивал у ног рыжее облачко вычесанной шерсти, да колола глаз блестящая крупинка, так неожиданно легко погубившая Чагу.

Как отрывают присохшую к ране одежду, она отняла наконец взгляд от черты и увидела искаженные лица отпрянувших сородичей. Все они были ошеломлены и испуганы — вопли Матери застали врасплох не только Чагу.

Впрочем, они уже приходили в себя. Тонкие губы Колченогой тронула ядовитая улыбка, Натлач с братом, переглянувшись, просительно уставились на Стрыя. А тот стоял неподвижно — огромный, страшный. Перечеркнутое шрамом лицо было обращено к Матери, в глазах — изумление и гнев.

Стрый!.. Чага подалась к нему, едва не заступив черту. Стрый не допустит! Он же сам говорил ей: «Вся надежда на тебя, Чага. Если ты не заменишь Мать, эта старая дура когда-нибудь всех нас погубит...» Сейчас он шагнет к ней, и изгнание обернется расколом семейства. Сначала — Стрый, за ним — как всегда, коротко переглянувшись, — Натлач с братом, следом испуганно метнутся женщины — и Мать останется посреди степи вдвоем со своей Колченогой...

Стрый! Ну что же ты, Стрый?!

— Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! — Мать кричала как можно громче и пронзительней. Знала: услышь ее кто-нибудь из другого семейства — и Чаге не дожить даже до полудня. — Приди и возьми! Мы отдаем тебе лучшее, что у нас есть!

Злобная, коренастая, Мать перехватила поудобнее клюку (ту самую, которой она процарапала глубокою черту в песчаном грунте) и, уцепив за вычесанную гриву одного из зверей — рыжую самку, — подтащила поближе, толкнула на ту сторону.

— Металл найдет тебя! — сорванным голосом бросила она в лицо Чаге и отступила, тяжело дыша.

Опрометчиво выросшее на открытом месте узловатое овражное дерево, по всему виду, ломанное металлом не раз и не два, зашевелилось, залопотало жухлыми листьями, и люди, очнувшись, тоже пришли в движение. Натлач с братом, неуверенно поглядывая на все еще неподвижного Стрыя, подняли, один — скатанную кошму, другой — наполненные водой мехи, и двинулись вслед за Матерью — откупаться. Бросили ношу за черту и, пробормотав: «Металл найдет тебя», — отошли, недовольные, в сторону.

— Смотри! Мы отдаем тебе лучшее!.. — сипло завывала Мать.

Неправда! Бросали что похуже — думали, металл не поймет, поверит на слово. Рыжая самка прихрамывает: если верхом и навьючить — не осилит и двух переходов... А мехи — старые, левый вот-вот порвется... Чага с ненавистью взглянула на Мать.

Одна за другой потянулись откупаться женщины. Притахшие, кидали к ногам скarb, утварь и, стараясь не смотреть на притягивающую взгляд крупинку металла, поспешно отходили.

Колчепогая приковыляла последней — с кистенями в руках. Метнула наотмашь, наделась прорвать мех. Промахнулась — и чуть не заплакала от досады.

И вновь тишина поразила песчаный клочок степи — остался один Стрый. Момент был давно упущен: даже если он шагнет сейчас за черту, никто за ним не последует — все уже откупались от Чаги. И все-таки Стрый упрямо не двигался с места — стоял, опустив в раздумье тяжелую седеющую голову.

— Стрый!.. — Испуганный женский вскрик.

Он вздрогнул и, найдя глазами жену, быстро отвел взгляд. Поднял с земли седло и, тяжело ступая, пошел к черте. Все замерли. Если у Стрыя хватит упрямства и глупости разделить изгнание с этой сумасшедшей — семейство лишится главного защитника...

Седло с глухим звуком упало в песок.

— Металл... — Хрипловатый голос Стрыя пресекался. Так и не подняв перечеркнутого шрамом лица, он неловко повернулся и побрел к живым.

Он сделал всего несколько шагов, когда красавец зверь редкой серебристой масти, полунавьюченный и лишенный пут, внезапно встряхнул развалистой гривой и, оглушительно фыркнув, двинулся к Чаге. С замедленной грацией ставя в песок чудовищные плоские копыта, он проследовал мимо остолбеневшего семейства и заступил черту. Натлач кинулся было наперехват, но вовремя отпрянул — зверь уже принадлежал металлу.

Все посмотрели с тяжелой ненавистью на Чагу. Сочувствия теперь не было ни в ком.

И наконец медленно обернулся Стрый, видимо, догадавшийся по лицам сородичей, что случилось. Из-за этого зверя он убил четырех мужчин из семейства Калбы, из-за этого зверя погиб его сын, из-за этого зверя они оказались здесь, в чужой степи, вдалеке от знакомых кочевий...

Стрый — смотрел. У него было лицо мертвого человека, и Чага вдруг ощутила, как сквозь страх и ненависть в ней поднимается чувство пронзительной жалости к этому стареющему тлелодуму, такому опасному в бою и такому нерешительному в обычной жизни.

— Металл! — с удвоенной яростью взвыла Мать. — Приди и возьми! Это не мы, это она звала тебя! Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! Приди и возьми!

— Уходим!.. — через силу каркнул Стрый, и все кинулись распутывать зверей, связывать полураскатанный войлок, собирать скarb.

...Легкое облачко пыли оседало над покатым холмом, за которым только что скрылись живые. Чага нагнулась, подняла костяной гребень и, всхлиывая, стала зачем-то вычесывать бок рыжей

самке. Гребень вывернулся из пальцев и снова упал в песок. Тогда она повернула залитое слезами лицо к бесдающему пылевому облачку и вскинула кулаки.

— Пусть тебя саму поразит металл! — запоздало выкрикнула она вслед. Медленно опустила руки, постояла и, всхлипнув в последний раз, принялась собирать откуп.

Качалась трава, лопотали жухлые листья на узловатом исколеченном дереве, да посверкивала металлическая крупинка, лежащая совсем рядом с неровной глубокой чертой, на которую уже можно было наступать.

2

Нельзя было трогать семейство Калбы — закон запрещал нападать и на дальних родственников. Но Стрый сказал: «Все равно последние годы живем. Вторая стальная птица упала. Металл поднимается по всей степи — он сам нарушает закон...»

Недоброе дело, и добра оно не привнесло. Стрый добыл Седого зверя, но семейству пришлось бежать в разоренную степь. Именно там полгода назад упала стальная птица, и разъяренный металл, забыв свой давний уговор с людьми, бил сверху, уничтожая в укрытиях целые семейства, вздувал волной землю и срывал ломкий кустарник с холмов.

На перепаханной сталью земле вставали быстрые, неохотно поедаемые зверями травы, всюду мерещился запах падали. Но настоящая опасность ждала беглецов, когда, оставив позади разоренные степи, они вышли к поросшему звонким камышом берегу незнакомой реки.

Мать решила переправляться на ту сторону, и это было безумием. В синем утреннем небе то и дело возникали спиральные мерцающие паутины, а взбитые страхом птицы ушли в невероятную высоту. Чага чуяла нутром, что за рекой все напряжено, что металл вот-вот начнет роиться, но упрямая коренастая старуха (Матери было за сорок) просто заткнула ей рот.

Стрый хмурился. Он давно уже не доверял чутью Матери, но оставаться на этом берегу и впрямь было опасно — похищение Седого подняло в седлах всех родственников Калбы по мужской линии.

К счастью, место для переправы выбрали неудачное: потеряли вьюк, утопили мохноватого сосунка, провозились до полудня. А преследователи вблизи переправы так и не показались, видно, отстали еще в разоренной степи...

Места за рекой пошли плохие, тревожные. Выбитая неизвестно кем и давно уже заросшая тропа тянулась вдоль густого коричневого сушняка — явно все соки из земли были выпиты зарывшимся в нее металлом. Понадались кости, сгнившая рухлядь, иногда из хрупкой путаницы ветвей опасно подмигивал осколок.

Трудно сказать: этот резкий короткий хруст в дальнем конце выскокшей рощи — он был или просто почудился? — но только Чага не раздумывая бросилась с седла на землю. Рядом, едва не придавив хозяйку, тяжелой громадой рухнул испуганный зверь. Залегли все — и люди, и животные. А спустя мгновение сушняк словно взорвался дробным оглушительным треском, и летящий металл с визгом вспорол воздух над их головами.

Очевидно, сталь сама уходила из-под удара — пронизав лом-

кие заросли, метнулась меж холмами и там была перехвачена враждебным роем. Воздух звенел, лопался, кричал. Приподняв голову, Чага видела, как седловина, куда их вела выбитая Матерью тропа, исчезает в неистовом мельтешении металлической мешкары. Не задержись они на переправе — живым бы не ушел пикто.

И все же несчастье случилось. Бой кончился, седловина сверкала россышью осколков, в дебрях сушиняка выл и трещал огонь, а Седой зверь — единственный — остался лежать, дрожа и закатывая в ужасе лиловый глаз. Из жесткой длинной шерсти на спине торчал кусок металла, вонзившийся острым копцом в жировой горб.

Стрый метался по опушке чуть не плача, и на это было так жалко смотреть, что Чага подошла к Седому, раздвинула шерсть и извлекла осколок. Голыми руками.

Как они все тогда отшатнулись от нее! А она отшвырнула окрашенную кровью сталь и двинулась, оскаленная, прямо к понятившейся Матери.

— У тебя дряблая матка! — с наслаждением выкрикнула она в ненавистное, смятое глубокими морщинами лицо. — Ты уже не чувствуешь металл! Ты не слышишь, когда он идет на нас!..

Глядя исподлобья, Мать отступала к подоженному металлу сушиянку и торопливо наматывала на руку сыромютный ремень кистея. Чага шла на нее безоружная, и никто не рещался встать между двумя женщинами. К счастью, Чага и сама сообразила, что не стоит доводить Мать до крайности и, остановившись, продолжала осыпать ее оскорблениями издали.

— Если ты решила отдать нас металлу, то так и скажи!..

Мать молчала, въедаясь глазами то в одно лицо, то в другое. По закону Чагу следовало изгнать, но изгнать ее сейчас?.. Нет. Слишком уж дорого обошелся семейству Седой зверь, и слишком уж велика была вина самой Матери...

На ночь они окопались на берегу в указанном Чагой месте. Алое закатное солнце падало за неровный облачный бруствер, когда к Чаге подошел Стрый — мрачный, как разоренная степь.

— Старая дура, — проворчал он, присаживаясь перед костерком. — Всех погубит, все семейство, вот увидишь...

Выбрал хворостину потолще, положил на ладонь так, чтобы концы были в равновесии, и медленно, по-особому сжал кулак.

— Плохие времена наступают... Раньше металл был спокойнее... Стальные птицы не падали, никто о них и не слышал... — Он помолчал и повернул к Чаге изуродованное лицо. — Я скажу мужчинам, а они уговорят жен. Матерью семейства будешь ты.

— По закону Мать должна уйти сама, — напомнила Чага.

— По закону... — Стрый усмехнулся. — По закону металл не должен бить сверху, а он бьет... Когда шли через разоренную степь, нашел я старое укрытие, в нем осколков больше, чем костей...

— Там упала стальная птица, — сказала Чага.

— Стальная птица — тоже металл, — хмуро ответил Стрый. — Раз он нарушает закон, значит, и я нарушу... Матерью семейства будешь ты.

— Она не уйдет добровольно, Стрый...

— А не уйдет — изгоним! — Он шевельнул пальцами, и хворостина, хрустнув, сломалась у него в кулаке...

Зачем она поверила ему! Ведь знала же, знала, что кому-кому, но только не Стрию тягаться с Матерью в хитрости... И все-таки поверила.

Несколько дней вела себя как дура: пыталась комапдовать, то и дело перечила Матери. А та уступала ей во всем. Уступала и терпеливо ждала случая. Видела: власть ударила девочке в голову, девочка неминуемо должна оступиться...

Так оно и вышло. Чага чистила рыжую сумку и заметила в комке вычесанной шерсти крупинку металла. По закону шерсть надлежало немедленно сжечь, а тому, кто сжигал, пройти очищение. Но, то ли уверовав в собственную безнаказанность, то ли просто машинально, Чага, повторяя преступление, на глазах у женщин взяла двумя пальцами сверкнувший осколочек и отбросила в сторону.

И тогда раздался первый вопль Матери.

3

Они бежали от Чаги в такой спешке, будто и вправду верили, что металл поразит преступницу немедля. На самом деле блистающая смерть могла годами щадить изгнанника, разя взамен невиновных и правых. И в этом был глубокий смысл: указывая металлу, что ему следует делать, люди могли возгордиться.

Однако справедливость требовала, чтобы преступник был наказан. Поэтому при встрече с таким отверженным самого его надлежало убить, а зверя и скарб взять себе — в награду за доброе дело. В том, что дело это именно доброе, сомнений быть не могло — изгоняли редко и лишь в двух случаях: за убийство сородича и за прикосновение к металлу.

А узнавали изгнанника просто: одинокий прячущийся чужак, как правило, молодой и здоровый. Стариков и калек тоже оставляли в стени, но к ним, конечно, отношение было иное — всякий понимал, что рано или поздно ему суждено то же самое...

Чага хорошо помнила, как Стрый и Натлач захватили молодого чужака, который вместо того, чтобы достойно умереть в бою, попытался прикинуться калекой — говорил, что у него одна нога совсем не ходит. Пленника раздели и, осмотрев, проделали с ним такое, от чего пога мигом пошла. Мужчины сломали ему пальцы и отдали его женщинам. Те, посмеиваясь, увели бедного, как кость, изгнанника за холм, а Колченогая обернулась и крикнула:

— Чага! Ты уже взрослая! Идем с нами!..

Но Чага тогда побоялась почему-то последовать за Колченогой, а вечером все-таки вышла за холм и, отогнав пятпистых хищников, посмотрела. Трудно уже было сказать, что с ним сделали женщины, а что — хищники...

Изгнанницу бы отдали мужчине...

Чага вздрогнула: показалось, что с вершины холма за ней наблюдает всадник. Это качнул слутанной желто-зеленой макушкой попади-в-меня — невероятно цепкий и живучий кустарник, растущий, как правило, на самых опасных местах. Металл терзал его и расшвыривал, но каждая срубленная ветка тут же запускала в землю корень, и, рассеиваемый таким образом, кустарник быстро захватывал целые склоны...

Теперь ей часто будут мерещиться всадники... До самой смерти.

Чага остановилась и, подойдя к Седому, поправила вьюк — так, чтобы он не касался подживающей раны на горбу. Ведя обеих зверей в поводу (Рыжая заметно хромала), изгнапница пробиралась длинной, неизвестно куда ведущей низипкой и все никак не решалась выйти на холм и осмотреться. Оба склона были уставлены живыми столбиками — зверьки стояли довольно далеко от нор и безбоязненно провожали Чагу глазами...

И еще был изгнапник-убийца. Бродяга, уничтожавший почамы целые семейства. Чага была ребенком, когда на охоту за этим таинственным и страшным человеком поднялась вся степь. Его сбили с седла и изломали где-то чуть ли не у самых Солончаков. Потом рассказывали, что обе жепщины, которых он когда-то украл и сделал своими женами, дрались вместе с ним до последнего. Странно. Уж их-то бы не тронули...

Чага достала из седельной сумки кистень и, накинув петлю на запястье, намотала ремень на руку. Если ей повезет и первыми на нее наткнутся не мужчины, а женщины с такими же вот кистенямп, то все решится очень просто. Главное — вовремя подставить висок. Она вспомнила, какое лицо было у того трусливого ублюдка, когда женщины вели его за холм, и стиснула зубы. Что угодно, только не это...

Оба склона шевельнулись, и Чага вскинула голову. Кругом чернели норы. Зверьков не было.

На блекло-голубое полуденное небо легла сверкающая царапина. Потом еще одна. А секунду спустя в высоте словно лопнула огромная тугая тетива, и неодолимый ужас, заставляющий судорожно сократить каждую мышцу, обрушился на Чагу с севера. Там, за покатым лбом поросшего желто-зеленым кустарником холма, стремительно пробуждалась блистающая смерть.

Думая про опасности, связанные с людьми, Чага впервые в жизни забыла о том, что на свете есть еще и металл.

4

Хватаясь за колючие, легко рвущиеся космы кустарника, она выбралась на бугор и задохнулась. Небо на севере было накрест всчеркаво мгновенными сверкающими царапинами, а тоскливый, лишающий сил ужас паваливался теперь с трех сторон — такого Чага еще не чувствовала никогда.

Внизу, закинув красивую горбоносую морду, истошно затрубил Седой.

Успеют ли они выбраться отсюда? Раздумывать над этим не следовало и вообще не следовало уже ни над чем раздумывать. Пока не закрылась брешь на юго-востоке — бежать!.. Правда, у Седого еще не поджила спина, а Рыжая — хромает... Но выхода нет, Седому придется потерпеть...

Чага повернулась, намереваясь кинуться вниз по склону к оставленным животным, как вдруг новая плотная волна страха пришла из степи, толкнула в грудь... Это сомкнулась брешь на юго-востоке. Металл шел отовсюду.

Оскальзываясь, оступаясь, увязая в колючих желто-зеленых зарослях, она скатилась вниз и, поймав за повод сначала Седого,

потом Рыжую, потащила их по низипке. Сейчас здесь будет не менее опасно, чем на вершине холма. Уходя из-под удара, металл частенько использовал такие ложбины, он пролетал по ним, стелся над самой землей, — и горе путнику, решившему переждать там стальную метель!

Низипка все не кончалась и не кончалась, но зверей Чага бросить не могла. Какая разница: погибнуть самой или погубить животных? Все равно пешком от металла не уйдешь...

Склоны наконец расступились, и в этот миг сверкнуло неподалеку. Воздух запел, задрожал. Огромные тугие тетивы лопались в высоте одна за другой.

Обеспамятев от страха, Чага все-таки заметила шагах в двадцати небольшой голый овражек и рванулась к нему. Укрытие ненадежное, но другого нет. Металл не любит углублений с обрывистыми краями, и если овражек достаточно глубок...

Воздух взвизгнул над ухом, заставив отпрянуть. Едва не обрывая повод, Чага тащила испуганно трубящих животных к единственному укрытию, а они приседали при каждом шаге и все норовили припасть к земле. Она пинками загнала их в овражек и спрыгнула следом сама.

«Это Мать!.. — беспомощно подумала она, упав лицом в жесткую шерсть на хребте Седого. — Это ее проклятие...»

Рычало небо, пели осколки, а потом издалека пришел звенящий воющий крик и стал расти, съедая все прочие звуки. Чага подвела глаза — и даже не смогла ужаснуться увиденному, настолько это было страшно.

Огромная стальная птица спускалась с небес.

Вокруг нее клубилось сверкающее облако обезумевшего металла. Блистающая смерть кидалась на крылатое чудовище со всех сторон, но каждый раз непостижимым образом промахивалась. Один атакующий рой остановился на мгновение в воздухе, потом задрожал, расплылся — и вдруг отвесно метнулся вниз. Шагах в тридцати от овражка вспухло облако пыли, земля дрогнула.

Стальная поземка мела через холмы. Казалось, настал последний день мира, металл пробуждался по всей степи.

И все это — из-за нее одной?!

Чага вдруг поняла, что стоит в рост на дне овражка, — преступница, из-за которой гибнет мир. Бился, корчился в агонии рассеченный металл, а она стояла и молила о быстрой смерти...

Но смерть медлила. Стальная птица, выпустив ужасающие когти, зависла почти над самым овражком (Чага ясно видела ее мощное синеватое брюхо), и в этот миг, подкравшись сзади, металл все-таки уязвил чудовище.

И птица закричала еще страшнее.

Голова ее с клювом лопнула, исторгла пламя, из которого выметнулось вдруг нечто темное и округлое, а сама птица, продолжая кричать, рванулась вверх и в сторону. В то же мгновение металл, бестолково метавшийся над степью, словно прозрел и кинулся на раненую тварь — догнал, ударил под крыло, опрокинул, заклебил плотной сверкающей тучей, прорезаемой иногда вспышками белого пламени.

Но Чага смотрела уже во все глаза на новое диво: из ревающего, исхлестанного сталью неба медленно опускался яркий купол, под которым покачивался на сбегających воедино ремнях

большой яйцеобразный предмет. Ему оставалось до земли совсем немного, когда опаздывающий к расправе рой вспорол кунол, рассек ремни — и темное полупрозрачное яйцо грянулось оземь с высоты двойного человеческого роста. Подпрыгнуло — и раскололось надвое, явив металлическое нутро, из которого (Чага не верила своим глазам!) неуклюже выбрался человек. Мужчины.

Вокруг неистовствовал металл, а человек шел, шатаясь, — шел прямо к ней, к Чаге, и на нелепой его одежде знакомым гибельным блеском отсвечивали какие-то пряжки и амулеты. Выкрикивая непонятные заклинания (или проклятия), он прижимал к губам плоский камень с торчащим из него стальным стеблем, но Чагу потрясло даже не это, а то, что младенчески-розовое лицо мужчины было озарено сумасшедшей, ликующей радостью.

За спиной его грянул взрыв, полетели сверкающие обломки, но человек даже не заметил этого. Все еще невредимый, он брел к ней, и Чага поняла, что через несколько шагов он свалится в овражек, а следом за ним, почуяв наконец прикрепленные к одежде железки, в ее ненадежное укрытие ворвется металл — быстрый, светлый, разящий без промаха!..

Закричав от страха, Чага каким-то образом оказалась вдруг наверху, выхватила из неожиданной слабой руки камень с металлическим стеблем и швырнула что было сил. Брызнули осколки. Сбитый влет предмет разлетелся вдребезги совсем рядом.

Свалив одной оплеухой еле держащегося на ногах незнакомца, Чага упала сама и принялась срывать, отбрасывать все эти пряжки, амулеты, пластины, ежесекундно ожидая хрустящего удара в затылок.

Но металл помиловал ее. Сорвав последнюю бляху, она, почти теряя сознание, дотащила бесчувственное тело мужчины до оврага, и в этот миг земля содрогнулась от чудовищного удара.

Это врезалась в грунт добитая металлом стальная птица. На месте ее падения взревело огромное пламя, а сверкающая мошкара все летела и летела в этот неслышанный костер, сгорая волна за волной.

5

Металл бушевал весь день. В мерцающий воздух над истерзанной степью взвивались все новые потоки крохотных стальных убийц. Чага и не думала, что земля может хранить в себе столько металла.

Потеряв главного врага, блистающая смерть снова распалась на стаи, сразу же кинувшиеся в остервенении друг на друга.

Устав бояться, Чага равнодушно смотрела на разыгрывающееся в зените битвы. Под сыплющимся с неба дождем мелких осколков она переползала от зверя к зверю, поправляла вьюки — так, чтобы защитить самое уязвимое место — меж горбом и шеей.

Отщепившийся краешек пикирующего роя, снеся кромку, вошелся в овраг и, глубоко вонзившись в рыхлый грунт противоположного склона, взорвался, наполнив укрытие металлической крошкой, пылью и запахом смерти. Чага легла рядом с Седым

и стала ждать повторного удара. Не дождавшись, поползла к мужчине, который все еще был без сознания.

Недоуменно нахмурясь, взгляделась в блаженное, розовато-желтое лицо, оторвала от странной одежды две не замеченные ранее железки, прикопала...

Все это не имело ни малейшего смысла. Уцелеть в мелком овражке посреди такой круговерти все равно было невозможно. Поэтому, когда к вечеру металл подался вдруг всей массой на север, открыв относительно безопасное пространство на юге, Чага даже не очень этому обрадовалась. Точнее — не обрадовалась вовсе. Шансов спастись бегством было немного — металл имеет обыкновение возвращаться...

Тем не менее она перевьючила зверей: скарб — на Рыжую, а Седой повезет незнакомца...

Усталым спотыкающимся шагом она вела их в поводу всю ночь. Темнота рычала, взвизгивала, иногда обдавала лицо трепещущим ветерком. Небо, мерцающее звездным металлом, и созвездия осколков под ногами... Чага только дергала повод, когда звери пытались упасть, она знала, что к рассвету все они будут мертвы: и звери, и она, и странный незнакомец...

Но рассвет наступил, и обессиленная Чага вдруг осознала, что самые опасные места остались позади. Возле размолотой металлом роши она нашла брошенное полуобвалившееся укрытие, кое-как освободила зверей от ноши и, прикорнув под земляной стенкой с белыми торчащими корешками, провалилась в сон.

Проснувшись от ощущения опасности — стальная птица взбодорила металл по всей степи. Голова была тяжелая, усталость размывала суставы, но надо было уходить. И на этот раз — быстро, не дразня судьбу и не жалея животных...

Рядом застонал мужчина. Запрокинутое лицо его уже не было счастливым и розовым, как вчера, — бледное, искаженное страданием, запекшиеся губы мучительно приоткрыты. Чага коснулась щеки незнакомца и подивилась гладкой шелковистой коже.

«Нежный, — с сожалением подумала Чага. — Не выживет...»

Она выбралась из укрытия и направилась к изломанной роше, где дерзко поднимал ярко-желтую голову цветок на мясистом стебле, чудом уцелевший в эту ночь. Как и сама Чага.

Она не стала срывать его — рядом были другие, срубленные. Выкопала несколько луковиц, наполненных горьким целебным соком, потом, привлеченная жужжанием, выпрямилась, всмотрелась.

Неподалеку роились мухи, зеленые, со стальным отливом, те самые, что состоят в родстве с металлом, ведут себя, как металл, и приходят сразу же, как только удаляется он. В груди исковерканных ветвей темнела туша навьюченного зверя. Чага сделала шаг к убитому животному и чуть не споткнулась о труп человека.

Это была Колченогая. Пораженная металлом в грудь, хромоножка мечтательно смотрела в небо. Никогда в жизни лицо Колченогой не было таким красивым.

Чага обернулась. Неподалеку лежал Натлач. А рядом — то, что осталось от Матери...

Она нашла всех. Из людей живым не ушел никто. Стрый оказался прав: старая дура все-таки погубила семейство. Сам он лежал со спесенным затылком, уткнувшись изуродованным лицом

в землю, словно не желая смотреть на то, что патворила Мать.

Со стороны укрытия снова раздался слабый стон, и Чага вспомнила, что в руке у нее — лекарственные луковички, что в яме лежит смертельно бледный, но, судя по стону, живой еще мужчина, что надо спешить: опустошив степь на севере, металл обязательно двинется к югу...

Взглянула еще раз на громадное беспомощное тело Стрыя и пошла обратно. Выдавила содержимое лукович в черепок, разбавила водой из меха и, приподняв мужчине голову (волосы — мягкие, не выгоревшие), поднесла ему черепок к губам. Не открывая глаз, он сделал судорожный глоток и поперхнулся — пошло было очень горьким.

— Пей, — велела Чага. — Надо.

6

Отдохнувшие звери бежали по разоренной степи размашистым крупным шагом. Рыжая самка почему-то перестала хромать — видно, притворилась, хитрая тварь! — и теперь шла, обгоняя Седого на полкорпуса.

— Йо!.. Йо!.. — Чага наконец-то почувствовала себя живой.

Проклятие не сбылось — металл отпустил ее. Мало того, он дал ей мужчину — странного мужчину с нежной, не тронутой солнцем кожей, стонущего от боли, как женщина, и все же двое — это уже семейство, и теперь никто не посмеет поступить с Чагой, как с изгнанницей!

Ее близкие погибли. Но разве они не бросили Чагу в степи? И разве Стрый не предал ее, побоявшись шагнуть за черту и разделить с ней изгнание? Мать часто говорила, что металл справедлив. Да! Он справедлив! Поэтому Рыжая и Седой навьючены всем лучшим, что у вас было!..

— Йо!.. Йо!.. — кричит Чага, и звери послушно удвигают шаг.

Лишь бы незнакомец выдержал этот переход... Ему уже лучше — когда она сажала его в седло, он вдруг очнулся, забормотал, стал даже слабо сопротивляться. Не обращая на это никакого внимания, Чага связала ему ноги под брюхом зверя, а руки приторочила к переднему вьюку.

Он то и дело приходит в сознание, и лицо его над мохнатым горбом Седого становится изумленно-жалобным. Незнакомец явно не понимает, что происходит, по это и не важно...

Главное — чтобы он выдержал переход.

7

Такое ощущение, что кто-то глодал ему череп изнутри.

Влад стоял в неглубокой травянистой низинке и, держа в слабых руках большой костяной гребень, через силу вычесывал лохматое, ни на что не похожее животное. Женского пола и огненно-рыжей масти.

«Главное — не терять юмора, — преодолевая головную боль, думал он. Спимал с зубов нежные рыжие пасмы и запихивал их в висящий у него на боку мешок. — Нет, кроме шуток, это довольно смешно: пилот первого класса — и занимается черт знает...»

Не дав ему завершить мысль, зверь шумно вздохнул и переступил, корову поставив чудовищное плоское копыто на ногу Владу, которому тот, впрочем, вовремя отдернул.

— Ты! Ж-животное! — злобно сказал Влад. — А по рогам сейчас?

Животное повернуло безрогую голову и равнодушно посмотрело Владу в глаза. Черт его знает, что за тварь — не то лошадь, не то верблюдо. А может, и вовсе лама.

«Ну что за свинство! — с горечью мыслил Влад. — Ну вернулся бы с победой, ну разбился бы в крайнем случае... Но оказаться здесь в таком качестве!..»

Кстати, а в каком качестве он здесь оказался? Кто он, собственно говоря? Пленник? Раб?.. Между прочим, последнее предположение очень похоже на правду. Стоило Владу прийти в себя, как эта кошмарная, дочерна загорелая туземка тут же сунула ему в руки скребок и чуть ли не пинком погнала на работы. И сама трудится как каторжная — смотреть жутко...

Влад оглянулся. В пологом, оплетенном ползучой травой склоне чернела прямоугольная яма с бруствером. Из ямы равномерно летели комья земли. Углубляется... Ну правильно — здесь же эти... разрегулировавшиеся противопехотные комплексы, черт бы их всех побрал!.. Как они тогда подгадали ему при посадке в левую дюзу! И всего-то надо было — поставить вовремя пассивные помехи, распылить металлический порошок... А на грунте они бы его потеряли из виду: облучай не облучай, корпус-то поглощающий...

Боль в голове заворочалась, словно устраиваясь поудобнее, и Влад поморщился. Переждав, повернулся к рыжей скотине, занес гребень и тут же в задумчивости опустил.

А ведь его уже, наверное, похоронили... После катапультирования «пташка» сделала что могла: утащила за собой металлических пираний, задала им трепку, после чего подорвалась. С орбиты это, должно быть, выглядело эффектно. Не менее эффектно, чем взрыв «пташки-2» колгода назад, с той только разницей, что Джей даже не успел катапультироваться...

«Так, — спохватился Влад. — А что это я стою и ничего не делаю? Этак она мне опять жрать не даст...»

Он снова занес гребень и немедленно почувствовал неизъяснимое отвращение к этому, на его взгляд, совершенно бессмысленному занятию. Ну сколько можно вычесывать зверюгу? Утром же только вычесывал! Почему не дать животному обрасти как следует, а потом уже...

— Чага! — позвал он в раздражении.

Земля перестала лететь через бруствер, и из ямы встала госпожа и повелительница. Темное неподвижное лицо и строгие прозрачно-серые глаза без особых признаков мысли. Вот ведь идолица, а? Хоть бы вопрос на лице изобразила! Нет, стоит смотреть...

— Зачем? — проникновенно спросил Влад, указывая гребнем на вычесанную часть зверя, не слишком, впрочем, отличавшуюся по шелковистости и струйности от невычесанной.

Чага — смотрела. Казалось, услышанное проникает в ее сознание не прямым, а по каким-то извилистым, хитро выточенным каналцам. Наконец темные губы шевельнулись. Одни только губы — лицо так и осталось неподвижным.

— Надо.

Коротко и ясно. Надо. Первое туземное слово, понятное и выученное Владом. Да и как не выучишь, если на любое недоумение следует один и тот же ответ: надо!..

Вчера она поймала в силок какого-то суслика и вручила Владу, чтобы тот свернул ему голову. Влад, естественно, отказался с содроганием. Сверкнула глазами, выхватила зверька и, прижав к плоскому камню, коротко хрустнула кремневым рубилом. У Влада аж все внутри перевернулось. Обаятельный такой зверек, полосатенький... Тушку натыкают на прут, чем-то поливают и жарят над костром, укрепив в наклонном положении...

Говорят, при головной боли есть не хочется... Черта с два! Влад жестом дал понять, что вопросов больше не имеет, и, снова повернувшись к зверю, неловко занес гребень.

Чага задумчиво смотрела ему в спину. Наверное, металл украл его еще ребенком — кожа бледная, слов не знает, гребень держит неправильно... Чага, правда, никогда не слыхала, чтобы металл воровал детей, но после встречи со стальной птицей готова была в это поверить. Видно, он был очень хорошеньким ребенком... А потом вырос, надоел металлу, и тот решил бросить его в степи... Только никому не следует говорить о том, кто он такой... и о том, кто она такая... Если спросят, Чага ответит, что семейство погибло, а они, двое уцелевших, бегут из разоренных степей.

И это в общем-то будет правдой.

8

Спустя несколько дней Влад лежал в мелкой, им самим выкопанной могилке с четырьмя брустверами, смотрел в ночное безлунное небо и чувствовал себя совершенно больным. Суставы — разламывало, мышцы при малейшем движении только что не скрипели. Четыре окопа за вечер — шутка? Да еще таким инструментом! Хорошо хоть грунт мягкий...

Но это все не главное... А главное — что сгинула наконец головная боль и можно осмыслить приключившееся, пока смертельная усталость не потащила в сон...

Итак, помощи с орбиты ждать не стоит... Даже если он что-то сумел передать после катапультирования (а в эфире тогда творилась, мягко говоря, свистопляска), каким образом они могли бы ему помочь? «Пташка» — аппарат уникальный, сконструированный специально для высадки на эту планету, и второго такого в природе (и, что особенно важно, в экспедиции) пока не имеется... Черт! Неужели она и завтра заставит его копать?! На ладонях уже кожи не осталось!.. Впрочем, это к делу не относится...

В черном небе, усаженном крупными ласковыми звездами, кто-то тронул и тут же приглушил мощную басовую струну. Рыдавшее вздохом за холмом местное подобие шакала мгновенно смолкло, и в наступившей тишине что-то с дробным хрустом ударило в землю. Запел, удаляясь, крупный осколок.

«Гляди-ка, — отметил Влад. — И ночью летают. Хотя какая им разница — день, ночь... Вот ведь изобрели чертовщину...»

Он приподнялся и тыльной стороной ладони откинул кожаный полог подальше на бруствер. Странные тут, ей-богу, обычаи...

Одно только это бесконечное вычесывание зверей чего стоит! А вода! За каким, спрашивается, дьяволом надо возить с собой воду в бурдюках, если местность буквально изрезана мелкими речушками? И с пологом этим тоже чепуха какая-то... Дождя нет, зачем его растягивать над ямой? От прямого попадания он не защитит, а осколок на излете переживем как-нибудь... Вот ведь вредный характер у девки! Поэтому, наверное, и кочует в одиночку...

Нет, ну, конечно, спасла, можно сказать, из-под обстрела вынесла, зельем каким-то отпоила и вообще содержит.. Но ведь нельзя же так бесцеремонно! Я что, помогать не согласен? Хоть бы поинтересовалась для приличия: кто, откуда... Можно подумать, у них тут каждый день мужики с неба падают!..

В безветренной звездной вышине что-то просвирстало: то ли птичка, то ли опять что-нибудь этакое... разрывного характера.

Четвертая попытка высадки намечена через полгода. Ну, допустим, высадятся... Где они будут высаживаться, и где в это время будет Влад? Материк — огромный, пустынный — тянется вдоль экватора как кишка, после чего соединяется перешейком со вторым таким же — поменьше... Так что же, кочевать здесь до конца жизни?! Между прочим, вполне возможный вариант...

Внезапно Влад сел на подстилке как подброшенный.

«Ты что разнылся? — осатанев, спросил он себя. — Что значит — не найдут? За четвертой попыткой будет пятая! Шестая!.. Мы же не отступим! Случая еще не было, чтобы отступили! Пусть подберет двадцатая, тридцатая экспедиция — все равно данные твои будут уникальны!.. Да Бальбус за такую возможность душу бы не глядя продал! Изучать — не в телескоп, не с орбиты, а прямо здесь, на собственной шкуре!..»

За холмом опять зарыдала какая-то четвероногая дрянь. Влад опомнился и, смущенный нечаянным залпом громких слов, пусть даже не произнесенных вслух, крикнув, опустился на подстилку.

Легко сказать — изучать... Чем изучать, если эта чертова девка выкинула все, что было в карманах!.. И с комбинезона зачем-то все оборвала... Может, она пластик за металл принимает? Вот идиотка!..

И Влад стал припоминать, как Чага расправлялась с содержимым его карманов. Происходило это прямо у него на глазах, а он тогда еще был слишком слаб, чтобы встать и воспрепятствовать... А самое смешное — нож оставила. Пластик — выкинула, нож — оставила! Сидела дура душой минут пять — все пялилась на тусклую с поглощающим слоем рукоятку. А нажми нечаянно кнопку, выскочило бы стальное лезвие — и прощай ножик!..

Она и комбинезон с него стянуть пыталась. К счастью, растегнуть не смогла, а разрезать нечем — каменный век... Стоп! Блокнот! До блокнота, кажется, не добралась...

Влад схватился за грудь и извлек из кармашка книжицу с прикрепленным к корешку карандашом. Ну слава богу, а то уж впору было думать о пергаменте... Вот с завтрашнего дня и начнем — коротко, экономно странички... Кто его знает, на сколько лет придется этот блокнот растягивать...

Мысли уже начинали путаться, сон распахивался черной глубокой ямой. Не дай Бог, если завтра она решит отсюда сниматься... Тогда вечером — снова копать...

Словно издеваясь над Владом, следующие несколько дней металл не показывался вообще. Звери с неспешной грацией переставляли голенастые ноги в высокой негустой траве. С виду — вполне земная степь, если бы не эти приземистые клубящиеся вдалеке рощи или, точнее сказать, заросли — серо-зеленые, плотные и спутанные, как очески с того же зверя.

Порождение металла... Анкона, биолог экспедиции, был помещен на этих рощах и мог рассказывать о них часами. Когда-то, около тысячи лет назад, здесь предположительно была обычная лесостепь. Потом по лескам загуляла стальная пурга, прошивая их насквозь, оставляя за собой буреломы, срубленный молодняк и прочие прелести. Все это, конечно, сохло, горело, исчезали древние породы деревьев, а на пепелищах, борясь за жизнь, душили друг друга сорняки. Битву выиграл вид, слегка напоминающий земную иву — с коротким, как обрубок, стволком и фонтаном серо-зеленых веток, каждая из которых, коснувшись почвы, немедленно в ней укоренялась и выбрасывала новые и новые побегки...

Собственно, тут все — порождение металла. Травы эти, например, до пояса и выше... Наверняка у них единая корневая система: вырвешь стебель — тут же вырастет новый...

А вот самого металла и впрямь что-то видне не видно. Ни на земле, ни в воздухе. Однажды, правда, послышалось некое звяканье под широким копытом Седого. Влад хотел было окликнуть Чагу, чтобы далеко не уезжала, но вовремя прикусил язык. Хватит, окликнул уже вчера! До сих пор оторопь берет... Влад теперь и сам не помнил, что ему тогда понадобилось от Чаги. Просто позвал. Ну, может быть, несколько отрывисто... Во всяком случае эффект превзошел все ожидания: Чагу буквально смело с седла, и тут же наземь грянулась Рыжая самка. Затем Влад внезапно ощутил, что Седой под ним куда-то проваливается. Мгновение невесомости — и, пребольно ударившись копчиком о мощный крестец зверя, Влад кувыркнулся на землю, путаясь в редких длинных стеблях, несколько не смягчивших удар.

Совершенно ошалелый, вскочил. Оба зверя лежали пластом, подставив ожидаемым осколком поросшие жесткой пружинистой шерстью горбы. Полосатенькие суслики, которыми только что были утыканы все пригорки, — исчезли. Потом из-за Рыжей самки поднялась Чага. Двинулась прямоком на Влада, и в прозрачно-серых глазах ее сверкало такое, что он даже попытался. Бросила несколько слов, общий смысл которых был ясен и без перевода, и пошла поднимать животных...

Зато крепко запомнил на будущее: резкий окрик во время кочевья означает лишь одно — ложись!

Неплохо бы выяснить форму обращения, после которого не залегают и не начинают окапываться...

Над степью протянулась долгая тоскливая пота, и Влад, выпрямившись в седле, принялся встревоженно озираться. Так и не найдя источник звука, в недоумении повернулся к Чаге. Та величественно и равнодушно покачивалась в седле. Ханша этакая... А вой все не кончался. Влад вслушался еще раз и вдруг понял: это цела Чага.

Господи, да что ж у ней за легкие! Поет уже вторую минуту

и все на одной ноте! У Влада аж зубы задрезбуждали, резонируя, и, запустив руку за отворот шерстяной вязаной куртки, он нервно почесал исколотое плечо. Да прекратит она когда-нибудь или нет?.. Но слава Богу: короткая дикая рулада — и пауза... Ой, надолго ли?.. Ну точно — снова дыхание набирает!..

Вчера она все-таки лишила его комбинезона, причем самым подлым образом: выкопала из тючка местную одежду и попросила примерить. Больше своего комбинезона Влад уже не видел. Хорошо хоть успел вынуть из карманов нож и блокнот...

Он сморщился и снова принялся скрести плечо. Как они, варвары, носят это на голое тело?! Кожа, должно быть, как наждак...

На вершине отдаленного пригорка что-то блеснуло подобно кусочку зеркала. Влад приподнялся, всматриваясь.

— Чага... — позвал он как можно мягче.

Ноющая нота оборвалась. Чага поприверждала Рыжую, и теперь они ехали рядом.

— Что это? — спросил Влад, указывая на пригорок.

Чага бросила с недовольным видом простое короткое слово и, толкнув пятками Рыжую, снова ушла на корпус вперед.

Вот и думай теперь, что бы это могло означать... Металл? Осколок? Заткнись?

Да, язык, язык... Конечно, пока не выучишь язык, дело не пойдет. А попробуй выучи с ней — слова не выжмешь!..

Спутница жизни, черт бы ее побрал! И ведь не скажешь, что некрасива — напротив: стройная, сильная, большеглазая... Но, Господи, пельзя же быть такой раз и навсегда заведенной машиной! Ведь ничего человеческого — идол и идол... А за комбинезон — убил бы! Если бы только поняла, за что...

Покачиваясь, они приближались к одной из роц, которая напоминала огромную путаницу из толстой серо-зеленой проволоки, ветви в основном шли по дуге и упирались в землю. Все было заплетено до полной непроходимости и непролазности. А листья — редкие, тонкие, почти хвоя...

На изгибе толстого побега, выметнувшегося метров на пять в степь, сидел, вцепившись коготками в древесину, похожий на мышь зверек с большими выпуклыми глазами и, пропуская мимо всадников, делал вид, что его там нет.

Не удержавшись, Влад тихо (чтобы, боже упаси, снова не снять Чагу с седла) щелкнул языком. Зверек оборвался с полуметровой высоты и сгинул в шевельнувшейся траве. Веселая планета. Что бы ни случилось — реакция одна: падай на землю... А ведь не выпусти они тысячу лет назад из-под контроля эти свои дурацкие противоположные комплексы — еще неизвестно, кто бы стал хозяином космоса: мы или они!..

В серо-зеленой путанице ветвей внезапно открылась просека, заваленная ломким коричневым сушняком, сквозь который то там, то здесь вживались новые побеги. Надо полагать, металл прогулялся... Ох, и будет все это гореть когда-нибудь!..

Чага вдруг оборвала песню и, остановив Рыжую, приподнялась на мягких стременах.

— Йо!.. — Неожиданный крик — и оба зверя рванули с места крупным, ускоряющимся шагом. Влад едва успел ухватиться за горб Седого, невольно при этом выпустив поводья. Впрочем, Седой был зверь умный. Он давно уже не обращал внимания на бестолкового седока и просто следовал за Чагой...

Наблюдения пришлось прекратить и все внимание сосредоточить на том, как бы ненароком не вылететь из седла. К счастью, звери обладали мощным, но удивительно ровным бегом — пошатывало сильно, но без толчков.

Влад с нездоровым интересом ожидал пробуждения какого-нибудь прикопавшегося неподалеку микрокомплекса, но нет — ничего не свистело и не взвизгивало. Тем не менее гонка продолжалась около часа, пока впереди не за клубилось плотное, прибитое к земле облако листьев, вздымающееся из глубокой балки. Естественное укрытие, надо понимать...

Чага спешила и, держа Рыжую в поводу, стала ждать Влада. Тот слезал довольно долго, крихтя и морщась.

— Чага, — спросил он, — бежать? Зачем?

Она взглянула вверх, и Влад тоже запрокинул голову. Высоко в синеве мерцала еле различимая спиральная паутина.

— Что это?

Чага нахмурилась и произнесла короткое простое слово. То самое, которым она назвала осколок в степи...

— Металл, — сказала Чага. — Смотрит.

10

Балка оказалась прелюбопытнейшим местом. По дну ее протекал ручей, а на склонах росли толстоствольные, явно реликтовые деревья — разлапистые, с мощными ветвями, полностью заслонявшие небо.

Ну правильно, балка место важное, пожары здесь не так уж и страшны. Как раз в таких вот уголках и должны были уцелеть реликтовые виды. Хотя, разумеется, отбор и по ним прошелся частым гребнем: видимо, выживали в основном особи, распространившиеся не столько вывесь, сколько вширь...

Берега ручья тонули в темно-зеленом облаке растений, с виду представляющих точную копию земных папоротников. Также несомненный реликт...

— Чага, — позвал Влад. — Копать надо?

Чага с некоторым удивлением посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Впервые.

— Не надо, — сказала она. — Костер. Дерево.

И коротко глянула вверх. Опалевший от ее внезапной улыбки Влад принял из рук в руки кремневое рубило и засунул в болтающийся на поясе мешочек. Искусство пришивать к одежде карманы было здесь, по всей вероятности, утрачено вместе с иными признаками цивилизации...

Влад ухватился за мощную нижнюю ветвь, влез, выпрямился — и широкая слегка шевелящаяся листва немедленно взорвалась яростным щебетом. Многочисленные дупла извергли еще более многочисленных серых птах, ведущих себя не просто бесстрашно, а прямо-таки агрессивно... Придерживаясь одной рукой за ствол и отмахиваясь другой от пернатых, Влад запрокинул голову. Что тут рубить-то?.. А! Понятно... В кроне было полно засыхающих и вовсе сухих ветвей, не иначе поврежденных металлом.

Дерево, казалось, было предназначено для лазания. Переходя с ветки на ветку, Влад быстро очутился на одном уровне со

степью. Из листвы проглянуло небо. Влад потянул на себя сухую ветвь и, выяснив, что ее и рубить не надо — разбита в щепы у основания, освободил и сбросил. Она тяжело ухнула вниз, распугав пташек. Опалело махнул сквозь крону похожий на кунцу зверек.

Надо же, какое приятное место! Век бы здесь лазал и горя не знал! Нет, правда, зачем вообще кочевать? Почему бы не взять и не поселиться в такой вот балке?..

Вторая ветка оказалась посложнее: высохнуть — высохла, но за ствол еще держалась крепко. Влад запустил руку в мешочек на поясе и, поколебавшись, извлек оттуда не рубило, а нож. На всякий случай поглядел вниз. Да нет, листва плотная, не увидит... Небо над головой тоже вроде спокойное — синее, с легкой дымкой, без каких бы то ни было мерцающих спиральных паутинок... А то полдня рубилом махать, пальцы уродовать. Уж лучше рискнуть разок, чем такая радость...

Влад выпустил из рукоятки лезвие и принялся кромсать твердую сухую древесину. Даже с помощью ножа резать пришлось довольно долго. Начали вдруг дрожать руки, прошиб пот. «А ведь тоже боюсь...» — криво усмехаясь, подумал Влад.

Наконец последний ремень высохшей до твердости камня коры был перерезан, и в этот самый миг что-то хлестко ударило в содрогнувшийся ствол с той стороны и взорвалось, прошив листву металлической крошкой. Влад остушился и понял, что падает. К счастью, сухая ветвь, в которую он вцепился мертвой хваткой, была еще не выпутана полностью из кроны. Отчаянно ища опору, Влад дотянулся до сомнительного по прочности сучка, но тут удар повторился. Что-то наотмашь хлестнуло по щеке.

— Влад! — Отчаянный вскрик Чаги.

Только бы не выронить нож! Эти самонаводящиеся сволочи лупят влет по любому быстро движущемуся металлу!.. Впрочем, теперь уже выяснено, что и по медленно движущемуся — тоже... Наконец ему удалось убрать лезвие. Рукоятка покрыта поглощающим слоем, по идее микроголовки должны потерять цель!.. По идее...

— Влад!

— Да здесь я, здесь... — бормотал он, прижимаясь к шершавому, как пемза, стволу и ожидая третьего удара. Третьего удара не последовало, и Влад перевел дыхание.

Идиот! Вот идиот! Комплексам ведь все равно, откуда ты такой взялся! Или ты думаешь, они только местных бьют? Нет, уж лучше все руки кремнем поуродовать, чем вот так... Сердце колотилось, руки не слушались, по щеке стекало что-то горячее — то ли кровь, то ли пот, выясним внизу... Влад кое-как отпутал и спихнул чертову сухую ветку и стал спускаться сам, приостанавливаясь и отдыхая на каждом суку. Преодолев половину пути, он уже пришел в себя настолько, что даже смог осознать интереснейшую вещь: Чага впервые назвала его по имени.

Он спрыгнул вниз, коленки подвинулись, и пришлось коснуться руками податливой нестепной почвы. Выпрямился. Чага стояла перед ним с неподвижным, но каким-то слегка перекошенным лицом.

— Слушай, улыбнись, — попросил он по-русски. — У тебя это так хорошо получается...

Копать в самом деле не пришлось, но Влада это не выручило visколько — блокнота он так и не раскрыл. Пользуясь близостью ручья, Чага устроила большую стирку и банный день одновременно.

Баня была холодная и с золой вместо мыла.

То, что Чага помешана на чистоте, Влад заметил еще давно: омовения совершались при малейшей возможности, и каждый зверь все непременно и обязательно нес по два бурдюка с водой. Влад несколько иначе представлял себе быт кочевников, и слава Богу, что ошибся...

Но черт возьми! Во-первых, тщательнейшие эти омовения съедали последние крохи свободного времени, а во-вторых, то и дело переходили в открытый идиотизм: Чага вполне могла заставить мыться перед рытьем окопа, например...

Было и третье неудобство: приходилось раздеваться догола, благо хоть по очереди. Влад никогда не слыл ханжой и вообще был далек от целомудрия, но на Чагу он в таких случаях принципиально не смотрел. Этакая ребяческая форма мести: ты вот меня горбатиться заставляешь — так я на тебя за это даже и смотреть не буду!

Зато сама Чага в этом отношении, как, впрочем, и в любом другом, вела себя весьма бесцеремонно: могла подойти, не скрывая интереса, осмотреть оценивающе... Влада это бесило, он отворачивался, заслонялся, а однажды, не выдержав, попросил удалиться. Чага приподняла брови и молча выполнила просьбу.

— Бойся женщину улыбающуюся... — сварливо бормотал Влад, вымывая из волос золу вместе с крупинками песка.

Песок-то откуда? Он ухватил двумя пальцами одну из песчинок и, промыв глаза, посмотрел. Крупинка была металлической. Микроосколок. Ну правильно — тогда, на дереве, два раза с головы до ног осыпало... Полна голова металла.

Минутку-минутку... Выпрямился в озарении. Так вот они, выходит, от чего отмываются! Наивные...

— Чага!

Она оглянулась. Не стесняясь на этот раз своей наготы, Влад шагнул навстречу, протягивая на ладони блестящий кристаллик.

— Мы что, из-за этого все время моемся?

У Чаги расширились зрачки, и она резко ударила его по руке. Влад засмеялся.

— Да что ж вы тут все такие запуганные? Чага! Не лоцируется такая крошка, понимаешь? Не видит ее металл! Маленькая слишком!

И хотя высказывание содержало больше русских слов, чем местных, общий смысл его Чага, кажется, уловила.

— Не надо больше, — выговорила она, глядя ему в глаза чуть ли не с ненавистью. Повернулась, ушла к стреноженным зверям и до самого вечера общалась с Владом одними лишь отрывистыми распоряжениями. На вопросы не отвечала.

Он и сам понимал, что проштрафился, и с вопросами особенно не лез. И только вечером, когда балку залили влажные сумерки и Чага по обыкновению погасила костер, Влад не выдержал...

— Чага, — сказал он. — Вечер. Холодно.

Присев на корточки, она добавила последние угольки. После купания Влада слегка знобило, подстилка и одеяло кололись пемилосердно — кошма...

— Костер, — еще раз попытался он. — Гасить. Зачем?

Она медленно повернула голову. Лицо смыто сумерками: то ли еще сердится, то ли нет — не поймешь...

— Металл, — нехотя пояснила она. — Увидит.

О Господи, опять металл! Здесь-то он при чем? Хотя... Влад тихонько присвистнул и задумался. То, что микроголовки реагируют на инфракрасное излучение, — факт достоверный. Уж кому-кому, а Владу это известно доподлинно — при посадке его клюнуло именно в дюзу... Значит, что же это получается? Днем степь нагрета, и костер для металла как бы трудно различим... Да что за бред! Температурный перепад между днем и ночью — от силы градусов десять. Да реагируй металл на огонь — он бы эти костры щелкал в любое время суток!..

Сказать ей? Да нет, не стоит... Хватит на сегодня просветительской деятельности, а то уже не по руке — по физиономии схлопочешь...

Кстати, не исключено, что все эти возведенные в закон нелепости — просто-напросто тяжкое и бессмысленное наследие гражданской обороны: дезактивация, дегазация, светомаскировка... Паническая боязнь микроскопков, бесконечное вычесывание зверей, бесконечные омовения, гашение костров на ночь...

Вечер кончился. В балку хлынула чернота, рваные пробойны в листве залило густой синевою. Металлически блеснули звезды. Из темноты слышалось сопение зверей да шорох раскатываемой кошмы — Чага устраивалась на ночлег. Спокойной ночи здесь друг другу желать не принято...

Так что же мы сегодня выяснили? На собственной шкуре и рискуя жизнью... Сверкающая паутинчатая спираль в небе — это, несомненно, локатор. Об этом даже туземцы знают. «Металл смотрит». Черт, а ведь Бальбус не раз засекал эти штуки с орбиты, только называл их «одуванчики». Между прочим, если сверху, то очень похоже... Что еще? Лезвие ножа весит примерно полсотни граммов. Будем это пока считать минимальной массой, на которую реагируют микроголовки... Еще они способны, прошу отметить это особо, наносить не только массивованные, но и одиночные удары, причем по малоскоростным целям. Если бы не ствол дерева, башку бы спесло наверняка...

Вверху, простреленная навывлет несколькими звездами, шуршала невидимая листва. Хорошее место эта балка. Ночью в пей, правда, сыровато, зато днем... И вид у пей какой-то обжитой: пятно от костра — только одно, и тропа к ручью — одна, а могли бы запросто все папоротники вытоптать. Сверху срубленные ветки должны падать — убраны... И мошки на удивление мало. Ну это, верно, пернатые постарались — вон их здесь сколько! А может, просто не сезон...

Все-таки во всем нужна система. Давай-ка вспомним, что вообще известно о металле. Об этих самых разрегулировавшихся микрокомплексах... Или даже не так! Что о них неизвестно? На кой дьявол вообще Земля гонит сюда экспедицию за экспедицией? Короче говоря: что необходимо выяснить?

Значит, во-первых, кто и где их производит? Не могут же они произрастать сами по себе, хотя, кажется, была и такая ги-

потеза... Из чего производят — понятно. Из осколков. Больше, кажется, уже не из чего... Есть снимки так называемых накопителей — таких членистоногих механизмов, которые эти осколки собирают. Кстати, по накопителям металл гвоздит с особым усердием, что, впрочем, вполне естественно — масса у них порядочная. Так вот: откуда они берутся и куда потом деваются?.. Вздуть бы сейчас костерок — и расписать это все в блокнотике, по порядку... Стоп! О чем-то он хотел спросить Чагу. Не о металле, а о чем-то таком... А! Вспомнил...

Влад прислушался. Из темноты доносилось еле слышное ровное дыхание. Кажется, не спит. Или спит?

— Чага, — шепотом позвал он.

Легкое дыхание пресеклось. Значит, не спит.

— Чага! Зачем кочевать? Жить. Здесь. Долго.

Несколько секунд тишины — и негромкий усталый вздох.

— Нет. Долго нельзя. Ночлег для всех.

Ему показалось, что голос у нее какой-то разочарованный.

12

А наутро в Чагу словно вселился бес. Такое впечатление, будто она старалась расквитаться за опрометчиво потраченную улыбку. Начала с того, что, найдя в вычесанной шерсти еще одну крупинку металла, сожгла весь тюк. Влад чуть не поседел, глядя, как она уничтожает его недельный труд. В первый раз сорвался, перешел на крик, но Чага только сверкала на него побелевшими от бешенства глазами и с каким-то особым извращенным занудством выговаривала это свое «надо».

Потом сорвала с места, скомандовала свернуть лагерь, повела в степь, хотя вчера еще говорила, что в балке они пробудут дня два. В общем, вожжа под хвост попала...

Чага и сама не понимала, что с ней такое происходит. Дело было даже не в сегодняшнем настроении и не в злости на бестолкового вскормленного металлом спутника. Пока она кочевала с семейством, для нее не было большей радости, чем назло Матери нарушать тайком многочисленные общеизвестные запреты. Теперь же, оказавшись в изгнании, она все их вспомнила и соблюдала неукоснительно.

Честно говоря, тюк можно было бы и не сжигать. Мать, например, когда не хотелось терять всю шерсть из-за одной крупинки, поступала просто: выдергивала клок с застрявшим в нем осколочком и сжигала только его. Хотя по правилам, конечно, надлежало спалить целиком и немедленно покинуть место сожжения. До заката, во всяком случае...

А может быть, мелочность и упрямство Чаги объяснялись еще и тем, что она теперь сама была Матерью маленького семейства из двух человек... А Влад — глуп. Его надо учить. Чага простит ему все, потому что у нее нет выбора, а другие прощать не станут...

Сам Влад первую половину дня пребывал в тихом бешенстве. А тут еще сразу за балкой, словно напоминая о погибшей шерсти, потянулась бесконечная гарь: несколько посеченных металлом и высохших вхруст роц выгорели начисто и относительно недавно. Звери вышагивали по черному, местами — голубовато-

серому пространству, высоко поднимая голенастые ноги и старательно оттикая в пепле отпечатки круглых копыт.

Наконец Влад взял себя в руки и огляделся. Все-таки гарь тоже была весьма интересным явлением — так сказать, частью жизненного цикла похожих на спутанную проволоку зарослей, регулярно уничтожаемых пожарами, а затем стремительно восстанавливающихся.

Структура рощи была обнажена: из пепла торчали обугленные влажные обрубки стволов, готовые выбросить новые дуги серозеленых побегов в удобренную золой почву. На одном из обрубков стоял столбиком погорелец — уже знакомый Владу похожий на мышь зверек. Интересно, как это он ухитрился уцелеть, а главное — чем теперь намерен питаться?..

К полудню Влад успокоился настолько, что даже достал блокнот, пристроил на горбе Седого и, пользуясь ровным ходом зверя, принялся покрывать первый лист прыгающими каракулями.

Впереди с царственным равнодушием покачивалась в седле Чага. Изящные локти чугунного литья были чуть расставлены и чуть шевелились, а означало это, что Чага между делом орудует толстыми деревянными спицами, созидавая новую нестерпимо колкую куртку. Тянется из переметной сумы бесконечная шерстяная нить, тянется бесконечная ноющая нота, тянется степь — тоже бесконечная... И так — тысячу лет...

А искусство ткачества они, надо полагать, утратили...

Глядя на растопыренные Чагины локти, Влад содрогнулся и привялся неистово чесаться. Солнце пригревало. Куртка и все прочее было, казалось, населено множеством мелких кусачих тварей... Ощущение в корне неверное хотя бы потому, что вчера вся одежда тщательнейшим образом была вымыта и прожарена над костром. Тем не менее расторможенное щекоткой воображение нашептывало Владу, что за пазухой у него пагло разгуливает небольшое колкое насекомое.

Не выдержав, он запустил руку за пазуху и вдруг в самом деле кого-то там нашарил. Отвращения к насекомым он никогда особого не испытывал, но тварь могла оказаться ядовитой, поэтому Влад подождал, пока она сама влезет к нему на ладонь, и лишь после этого извел добычу на белый свет.

На ладони судорожно копошился крохотный металлический паучок. Влад инстинктивно сомкнул пальцы и опасно поглядел на Чагу. Та была вся в себе...

Осторожно раскрыл кулак. Мама родная, да это же явная и несомненная родня членистоногих накопителей, обнаруженных с орбиты Бальбусом!.. И как это прикажете понимать? Разделение труда? Большие накопители занимаются большими осколками, а маленькие — маленькими?..

Издали он такой приползти не мог... Влад огляделся, надеясь посмотреть на горизонте какие-нибудь руины, таящие в своих недрах автоматические заводы, но не увидел ничего. Раньше надо было высматривать! Судя по всему, паучок заполз к нему за пазуху еще в балке...

И что с ним теперь делать? Проблема... Попробовать разобрать? Снова сунуть за пазуху? Засушить в блокноте?.. О, Чага, Чага! Всего лишь! Такой был удобный пинцетик в налокотном кармане... Бережно, стараясь не повредить ненароком, Влад снял паучка с ладони и тут же получил легкий укол в оба пальца.

От неожиданности встряхнул рукой, и крошечный механизм искоркой отлетел в высокую траву. А, ч-черт!..

Оборвав песню, Чага обернулась и вопросительно посмотрела на Влада.

— Чешется! — сердито объяснил он по-русски. — Комбинезоп не надо было выбрасывать!..

И в качестве перевода выразительно поскреб грудь под курткой.

13

Так, беспешным шагом, ни разу не переведя зверей на бег, они добрались до места новой стоянки. По мнению Влада, место было хорошее: в круглой ложбине между тремя холмами кто-то уже вырыл окопов на целую ораву с табуном. Выбирай любую яму — и вочуй.

— А где люди? — поинтересовался Влад. Честно говоря, его давно уже занимал этот вопрос. Создавалось впечатление, что в степи они кочуют вдвоем, хотя следы чужих стоянок встречались на каждом шагу. Да и с орбиты, помнится, степь выглядела весьма оживленно...

— Ушли, — сказала Чага. — Опасно.

— А раньше? — несколько оторопев, спросил Влад.

— Раньше нет, — со вздохом отозвалась она. — Раньше хорошо.

Озадаченный, он попытался представить, как это может быть «хорошо» в заряженной металлом степи, и, честно говоря, представить не сумел. Зато вдруг отчетливо припомнились содрогнувшийся от удара ствол дерева и треск прошиваемой микросколками листвы. Раньше... Когда это — раньше?

— Когда — раньше? — спросил Влад.

Чага посмотрела на него испытующе.

— До стальных птиц, — поколебавшись, ответила она.

Стальные птицы?.. Влад хмыкнул и принялся расседлывать Седого. Стальные птицы... Год синей обезьяны... Месяц любования луной... Что-нибудь из местного календаря, надо полагать... И вдруг дошло, что местный календарь-то здесь скорее всего ни при чем, что речь идет именно о его «пташке» и о трех попытках высадки.

С чувством, похожим на страх, он повернулся к Чаге.

— Чага... Раньше... Металл — не убивал?

Судя по хмурому взгляду через плечо, настроение госпожи и повелительницы стремительно ухудшалось.

— Убивал глупых, — сквозь зубы отозвалась она. — Теперь — всех.

«Да что за чепуха!.. — беспомощно думал Влад, глядя, как Чага, присев на корточки, разбирается с содержимым разложенного на земле тюка. — Бальбус же докладывал: возбуждение микрокомплексов при посадке — в пределах допустимого... Господи, да если то, что она говорит, правда, то вообще непонятно, зачем она со мной церемонится! Хрикнула бы рубилом, как того суслика...»

Чага выпрямилась, держа в руках некий мешочек, и, вручив его Владу, звачками предложила развязать. Тот повиновался и некоторое время тупо смотрел на содержимое мешочка: несим-

патичная с виду чаша из обожженной глины, связка еще более несимпатичных, сальных на ощупь корешков и завернутые в рыжие очески сколы вулканического стекла.

Видя его тревогу и недоумение, Чага объяснила жестами, что с помощью этих чудовищных приспособлений он всего-навсего должен сбрить себе бороду.

— Зачем?! — ужаснулся Влад и, получив в ответ железное «падо!», понял, что бороться бессмысленно.

«Уж лучше бы сразу рубилом...» — обреченно подумал он.

...Самоистязание вышло долгое и даже более мучительное, чем представлялось поначалу. Натыкав несчастное лицо жгучим кровоостанавливающим корешком, Влад повернулся к Чаге и увидел, что та сидит на корточках и с бесконечным терпением в глазах подрезает себе волосы с помощью осколка покрупнее. Оттянет прядь — и перепиливает потихоньку. Боже...

Потом, как водится, было омовение, а потом Влада откомандировали за хворостом в развороченные металлом дёбри неподалеку. Не испытывая уже никаких душевных терзаний, он с легким сердцем взял палку с намотанным на нее сыромятным ремнем и, зябко чувствуя изрезанными щеками малейшее прикосновение ветерка, пошел сквозь цепкий гривастый кустарник.

Нечаянно поглядел под ноги и невольно остановился: суглинок был усеян осколками. Быстро оглянулся и, убедившись, что лагерь надежно утонул в низинке, упал на колени перед самым крупным (с ноготь большого пальца) обломком.

Ну вот он, твой металл. Он же сталь... Хотя скорее всего никакая это, к черту, не сталь... Влад осторожно взял осколок двумя пальцами и поставил на ребро. Да, легковат для стали... Но тоже, видимо, какой-то сплав... Серебристо-белый, коррозии, надо полагать, не подвержен, на изломе — зернистый... Эх, один бы такой кусочек — да в лабораторию!..

Влад огляделся, не вставая с колен. А крепкая тут, видать, шла рубка! Причем совсем недавно... Странно, что нет ни засохших кустов, ни сломанных веток... Впрочем, виноват, вот как раз одна лежит... Влад поднял обрывок колкой желто-зеленой плети, и за ней из почвы потянулись бледные корешки. Понятно... Неплохо приспособились кустики...

Ладно, хорошего понемножку... В конце концов его посылали за хворостом... Влад встал и, разматывая ремень, направился к сушняку. Разложил на земле и принялся укладывать па него извилистые желто-коричневые обломки. С сожалением шевельнул кривую, толстую, как питоп, жердину... Толстые ломать не велено — металл услышит. Металл — ладно, бог с ним, а вот Чага услышит... Влад откинул жердину и снова занялся древесной мелочью.

А в самом деле: реагирует металл на звук?.. Между прочим, вполне вероятно. На взрыв, на реактивный двигатель, на лязг техники... Кстати, толстые ветки сушняка ломаются на удивление легко, но с пушечным треском... Значит, три способа наведения: на электромагнитный эхо-сигнал, на инфракрасное излучение и, теперь вот еще выясняется, что и на звуковые колебания тоже...

Тут ему показалось, что в дёбрях желто-зеленого клочковатого кустарника лениво перелился металлический блик. Влад повернулся, недоуменно сдвинув брови, и приоткинул колючую спутанную прядь...

Медленно передвигая суставчатые ноги, к причудливо изогнутому осколку направлялся этакий металлический тарантул.

Влад попятился и, слегка ошалев, присел на выщербленный расколовшийся валун. Запросто можно было свихнуться... Они что же... растут?! Это же механизмы!.. Черт знает что такое!

А что еще можно предположить? Существование подземных цехов, каждый из которых выпускает паучков определенного калибра? Бред!.. Влад хорошо помнил снимки, сделанные с орбиты Бальбусом. Его накопители состояли в основном из бесформенного металлического панциря, и все же достаточно было взглянуть на степенно переступающего паучину, чтобы увидеть его несомненное сходство с теми полуметровыми тварями.

И почему его до сих пор не подбили? Или ползать можно безнаказанно, пока не достигнешь определенной массы?..

Теперь понятно, почему Земля так настойчиво требует высадки! Значит, не просто программа помощи туземцам, а иная, неслыханная технология!.. На каком же уровне они закладывали в этот самый металл информацию?! На кристаллическом? На молекулярном?..

Влад поднял голову и словно в первый раз оглядел сушняк, клубящуюся, как спутанная проволока, рощу, покрытые кустарником холмы... Когда-то здесь были города, дороги, высокие широколиственные леса...

Издали донесся хрустящий удар и тоненький прерывистый визг, оборванный еще одним ударом. Чага умерщвляла пойманного на ужин сулика... Лицо Влада болезненно скривилось.

— Эх вы!.. — укоризненно выговорил он. — Как же вы могли? С такого уровня — и к каменному топору...

Желто-зеленый кустарник безмолвствовал, в сушняке за спиной что-то шуршало — надо полагать, все те же лупоглазые мышки с целкими коготками.

Влад поднялся и, приблизившись к металлическому паучине, присел над ним на корточки. Слиток с ножками. Ни жвал, ни, естественно, глаз. Спереди, правда, дрожит сияющая капля расплава. Двусуставчатую ножку запосит несколько судорожно, с остановками. Видимо, зашевелись он побыстрее — тут же засекут и разнесут в клочья...

Интересно, как у него устроено брюшко?.. Влад протянул было руку к облизанной бликом спинке, потом вспомнил легкий укол в пальцы, полученный от заползшего за пазуху паучка, и, отодвинувшись, нашарил короткую хворостину. Этот раз в десять больше, следовательно, и разряд у него должен быть соответственно размерам... Эх, замерить бы! Только чем?.. Хотя... Если в десять раз — то вполне терпимо. В конце концов каждый сам себе вольтметр...

С этой чеканной мыслью Влад отбросил хворостину и решительно поднес растопыренную пятерню к блестящему игрушечному механизму... Трещаний хлопок, мышцы скрутила мгновенная судорога, и Влада, отшвырнув, уложило спиной прямо в собранный хворост — благо сучков у сушняка почти не бывает!

Нет, разряда такой мощности он не ожидал! Какое там в десять раз! Чистая лейденская банка с ножками!..

Он еще сидел, беспомощно тряся головой, когда к нему, разрывая цепкие кусты, подбежала Чага. Быстро взглянула — на него, на усеивающие суглинок осколки, на замершего с поднятой

и, кажется, оплавившейся лапкой тарантула — и смуглое лицо ее пришло несколько пепельный оттенок.

— Уходим! — бросила она. — Быстро!

Нагнулась, схватила палку с сырым ремнем, рванула. Посыпался звонкий сушняк.

Заночевать в заранее выкопанном укрытии так и не пришлось...

14

Пассив; несколько дней легкого заикания и яростная мелочная опека со стороны Чаги. Зато в активе... Честно говоря, до сих пор в голове не укладывается! Металлические механизмы, способные развиваться, расти... Мужать, черт побери, и крепнуть!..

Однако давай по пунктам... Что еще удалось установить? Что растут они, каким-то образом усваивая осколки. На подножном, так сказать, корму... В случае опасности огрызаются электрический разрядом, причем мощность разряда увеличивается с возрастом отнюдь не в арифметической, а скорее в геометрической прогрессии... Далее. Паучки типа того, что залез в прошлый раз за пазуху, микроголовками, естественно, не лоцируются, и засеянные ими районы (сведения получены от Чаги) считаются практически безопасными. Единственная предосторожность — кожаный полог над укрытием...

Пауки размером с тарантула скорее всего воспринимаются микроголовками как неподвижные крупные осколки. Туземцы их побаиваются, но, кажется, только из опасения получить электрический разряд... Ну и, наконец, о гигантских накопителях Бальбуса, вблизи еще не наблюдавшихся, известно, что микроголовки их «видят», «знают» и атакуют по несколько раз в сутки.

А теперь — что установить не удалось. Первое. Откуда берутся эти крохотные новорожденные паучки? Не из осколков же, в самом деле, выгупляются!.. И второе. Куда они потом деваются, когда раздобрели до стадии накопителей Бальбуса? Они же тогда скорее ворочаются, чем ползают... Может, закапываются, а дальше — под землей, как кроты? Тогда опять же — куда?..

Ну и масса вопросов по мелочи. Каким образом они, например, добывают электрическую энергию? Химическим путем? От солнца?.. Господи, как все просто выглядело с орбиты! Считалось, что существуют слегка разрегулировавшиеся автоматические подземные заводы, откуда разлетается и расползается вся эта металлическая погань. Какие-то подземелья были даже обнаружены в предгорьях Главного хребта... И вот на тебе! Все с ног на голову!

Хотя почему с ног на голову? Очень просто: накопители, набрав нужную массу, действительно зарываются в грунт, докапываются каждый до своего заводика, там их быстренько в переплав, а потом уже на поверхность вылезают готовые новенькие микрокомплексы... И тут же начинают палить друг в друга... Да, кстати! Кто с кем воюет? Тоже неплохо бы выяснить...

Главный хребет располагается где-то на юге. На севере, естественно, океан, но очень далеко... Маршруты Чага прокладывает шизофренически — мечется по степи, ведомая одной ей известными приметами, но в целом они откочевывают к востоку, хотя через большую реку еще не переправлялись..

А ведь не так и далеко должно быть отсюда до этих таинственных подземелий в предгорьях... Интересно, знает ли о них Чага? Может, легенда какая есть... Надо бы под хорошее настроение подкатиться и спросить...

Влад захихнул последние очески в мешок и, отступив, с удовольствием оглядел Седого. Модель моделью! Пойти, что ли, похвастаться?.. Точно! А заодно и спросить.

— Пошли, Седой! — велел Влад и, сопровождаемый важно вышагивающим зверем, двинулся к Чаге, плетущей хитрую ловчую сеть.

— А? — спросил он победно.

Хоть бы для виду обрадовалась! Встала, взглянула испуганно на красавца зверя, как-то растерянно провела рукой по шелковистой шерсти и вдруг отвернулась.

— Хороший зверь, — произнесла упавшим голосом. — Плохо.

Влад только руками развел и пошел вычесывать Рыжую.

Вообще, сложно было с Чагой. Вроде и словарный запас у Влада увеличился, и грамматика прояснилась — свободно мог уже нязать по нескольку слов во фразу, и все же временами он просто отказывался понимать свою спутницу.

Газоренная степь осталась позади, места пошли, если верить Чаге, спокойные, но, опять же, как ей верить?! Лицо у самой — озабоченное, все высматривает что-то, однажды вдруг ни с того ни с сего свернула в низину — чуть ноги зверям не переломали! Зачем-то приказала залечь, причем сама осталась в стоячем положении. Влад немедленно поднялся и, осерчав, подошел спросить, какого черта. Не спросил. Чага пятилась, не сводя глаз с седловины между холмами, и совершала опущенными кистями обеих рук вращательные движения, наматывая на каждую сырмятный ремешок, на конце которого висел тяжелый полированный камень с дыркой... Господи, да это же кистени! Она что, от металла собирается ими отмахиваться?!

— Металл? — туповато спросил Влад.

Она все еще пятилась, завороченно куда-то глядя, и он невольно взял ее за плечи, когда она буквально уперлась в него спиной. Вздрыгнула.

— Нет, — сказала она. — Не металл.

И он почувствовал, как напряжены под курткой из шерсти зверя ее прямые плечи. Весело... Выходит, тут еще водится кое-что пострашнее металла?

— Хищник? — спросил Влад, вспомнив ночные шакальи рыдьяния за холмом.

Чага отрицательно покачала головой и быстрым бесшумным шагом пошла к седловине. Влад последовал за ней, высматривая по дороге камень потяжелее. С голыми руками он уже чувствовал себя как-то неуютно. Достигнув седловины, Чага, кажется, успокоилась и позвала животных.

— Так что это было? — допытывался Влад.

Чага обернулась. За время страствий он научился неплохо различать мельчайшие изменения этого дочерна загорелого лица, но теперь оно снова показалось ему застывшим.

— Люди, — глухо отозвалась она.

Влад лежал в окопчике, откинув, как всегда, из упрямства кожаный полог, а над ним, в ночном сияющем звездами небе, судя по взрыванию, взвизгам и прочему, шел серьезный бой. Временами что-то впарывалось в землю, сеялись мелкие осколки, а Влад лежал, полуприкрыв глаза ладонью, и вспоминал, какие плечи были у Чаги, когда он обнял ее сзади. То есть не вспоминал — он гнал от себя это воспоминание, но оно почему-то отказывалось уходить.

Тогда он приоднялся и принялся натягивать полог, по которому немедля пробарабанила порция стальной крошки. Однако в крошечной темноте стало еще хуже.

«Дурак! — раздраженно мыслил он. — Уперся в свой металл — и ничего уже вокруг не видишь! Она же из-за этого бесилась, неужели не ясно? Из-за этого с места срывала, придиралась к тебе из-за этого... Кстати, правильно делала! Таких придурков вообще надлежит брать за шиворот, вести в ближайшую балку и бить головой обо что-нибудь реликтовое...»

Влад злобно фыркнул и, сняв ремешки с колышков, снова откинул полог. Опустился на кошму. Шальной снарядик чиркнул сразу по двум брустверам. Дуплетом. Рывнуло прямо в лицо, обдало землей.

— Ноктирно, сталь тебя порази!.. — отплевываясь, пробормотал Влад. Тут же поймал себя на том, что впервые вместо своего любимого архаического «черт побери» использовал местное выражение, — и криво усмехнулся. Зверей он уже вычесывает классно, роет — тоже, болтать насобачился... До полной натурализации осталось совсем немного. Один шаг. Точнее — десяток шагов...

«А вот не дожدهшься! — с неожиданным ожесточением, к которому, впрочем, примешивалось и злорадство, подумал он. — Умыкнула не спросясь, ноги связала — думаешь, не помню? А теперь, значит, на измор берешь?.. Ну-ну, посмотрим, как это у тебя получится...»

Он свернул потуже седельную подушку и, пристроив ее удобнее под голову, отвернулся к земляной стенке. Прямо перед глазами, мерцая отраженным звездным светом, копошился крохотный металлический паучок. Влад взял его двумя пальцами и, не обращая внимания на слабый удар тока, выкинул к лешему из ямы.

«Собственно, что меня останавливает? — мыслил он. — Обетов я никаких не давал, невеста меня на Земле не ждет... Господи, да о чем я вообще?! Какая Земля? Какие тебе новости? Ты в списках погибших, дурак! Тебя нет!.. Тебя подберут лет через тридцать... Если подберут... И вообще, что я, железный. — голышом с ней купаться! Но несколько раз в сутки!..»

Влад перевернулся на четвереньки и, выпрямившись, осторожно высунул голову из окопа. Взгорбленная, припорошенная звездным светом степь замерла, ожидая новой схватки крохотных стальных пираний. Пропускать такой момент было грешно. Влад раскинул руки, оперся... Затем последовало быстрое бесшумное движение — и вот он уже сидит на корточках на краю укрытия. Пригнувшись, перенес ногу через брустер, сделал шаг, другой — и в этот момент пауза кончилась.

Ночь взвыла в лицо, ветер ударил по левой щеке — как дос-

кой. Слава Богу, плашмя... Влад упал ничком, а секунду спустя воздух над ним был разорван в клочья. «Убит при попытке пре-
любодеяния...» — произнес кто-то в мозгу официальным голосом.

Мысль несколько преждевременная, но в целом правильная: стальная поземка срывала брустверы, металл стелился над самой землей. Визг, хруст, грохот. Не смея поднять головы, Влад пополз было к окопчику Чаги, понял, что скорее всего не доползет, решил вернуться, но тут позади него в землю вперолось единич десять, не меньше. Удар был такой силы, что Влада подбросило, и он торопливо пополз вперед.

В себя он пришел возле растерзанного бруствера. Ночь была относительно тихой, на холмы и пригорки оседал ровный звездный свет.

Так... Во-первых, кажется, жив и даже не ранен... А во-вторых, чей же это, интересно, окоп: его или Чаги?.. Переползая под обстрелом, Влад совершенно утратил ориентировку. Приподнялся, заглянул через бруствер. Кожаный полог был туго натянут и усыпан микроосколками. Значит, Чагин...

По идее надо было немедленно срывать ремешки с колышков и падать вниз, к ней. Металл вполне мог повторить пролет по этой ложбинке. Однако на такое хамство Влад не отважился и некоторое время продолжал рисковать жизнью, торча над бруствером.

«Вот будет потеха, — несколько испуганно мыслил он, — если я все это придумал!.. Может, ей вообще на меня наплевать! Ну купалась при мне пагашом, ну и что? Может, здесь так приятно!.. А, ладно! В крайнем случае, изуродует... Кистенем своим...»

Взбодрив себя этим сомнительным рассуждением, Влад тихо-тихо снял с колышков три петли и приподнял край полога. Черно — как в могиле... Тогда он снял все петли, до которых мог дотянуться, и откинул полог на бруствер. Обильный звездный свет пролился в неглубокую прямоугольную яму. Чага не спала. Она лежала на спине, угольно-черные глаза были широко раскрыты.

— Чага, — растерянно сказал Влад. — Это я...

16

Нет-нет, все было замечательно, но... Чага отнеслась к его визиту как-то уж очень спокойно. Ошарашивающе спокойно. Будто они уже лет десять состоят в законном браке и делят ложе (в смысле — кошму) еженощно. Влад даже был слегка разочарован: все-таки под обстрелом полз, рисковал...

Полог они оставили раскрытым и теперь лежали рядом, глядя в тихое звездное небо.

— Чага, а почему ты кочуешь одна? — шепотом спросил Влад.

Она, как всегда, ответила не сразу.

— Металл убил всех, — услышал он наконец ее ровный негромкий голос.

— Да нет, Чага! — Влад приостановился, подыскивая слова. — Он убил их потом... А когда я прилетел — ты уже была одна. Почему?

На этот раз молчание было продолжительнее.

— Меня оставили в степи, — глухо сказала Чага.

— Оставили в степи?.. А что это значит? Расскажи.

И она стала рассказывать — отрешенно, с легкой грустью в голосе, словно речь шла не о ней, а о ком-то другом. И все же ей несколько раз что-то сдавливало горло — когда пришлось признаться, что она дважды прикоснулась к металлу, и еще когда говорила о Стрые, не решившемся переступить черту...

Влад слушал ошеломленно. Многого в рассказе было непонятно, но суть он уловил. Боже мой, изгнанница, бунтарь!.. Брала металл голыми руками!.. Ну вот хоть убей — не мог он себе представить Чагу в этой роли!

— Чага... — растерянно сказал он, когда история кончилась. — Ты говоришь: если бы мы не нашли друг друга...

— Меня бы убил первый встречный, — тихо подтвердила она.

— Сталь разящая! — еле вымолвил Влад. — Слушай... как хорошо, что этим встречным оказался я!

— А тебя бы убил металл, — еще тише добавила она.

— Конечно! — с чувством подтвердил Влад. — Если бы ты тогда не выбила у меня из рук... ту штуку... Спасибо! — Он помолчал, кашлянул. — Слушай... а Мать — она что? Твоя родная мать?

— Нет. — Кажется, Чага улыбнулась. — Она была Мать семейства. А мне доводилась... — последовало незнакомое слово, означавшее, по всей видимости, степень родства.

«А ведь и впрямь пошел у меня язык! — с некоторым удивлением отметил Влад. — Болтаем вовсю...»

— Чага... — осторожно начал он. — А почему ты сейчас так боишься металла? Я знаю: бояться надо, но... не так же! Вот ты сказала: ты дважды к нему прикоснулась — и что?

— Меня оставили в степи, — напомнила Чага. Голос ее снова зазвучал глуховато.

Влад рассмеялся.

— Глупая! Хорошо, что оставили! А иначе он бы убил тебя вместе с ними!..

Чага вздохнула и не ответила. Однако полог уже натянуть не требует. Значит, сдвиги есть...

Снова почувствовав желание, он повернул ее к себе лицом и, умудренный опытом, нежно взял губами мочку уха. В прошлый раз он начал было с поцелуя в губы, за что немедленно получил легкую, но звонкую затрещину. Выяснилось, что так здесь не принято... Развратник!.. Слава Богу, все остальное было в точности как на Земле...

...Потом они снова отдыхали от любовных (супружеских?) ласк, и уже надвигалась дремота, когда Влада посетила внезапная и несколько обидная мысль: а почему Чага в свою очередь так ни о чем его и не спросила? Нет, право, это было даже как-то оскорбительно... Неужели вот так просто возьмет и уснет?

Он повернул голову и увидел, что Чага по-прежнему лежит на спине и смотрит в небо. Потом что-то вдруг изменилось в ее взгляде. Влад тоже невольно поднял глаза — и сердце екнуло: по ласково мерцающему небосклону ползла наискосок тяжелая крупная звезда. Значит, еще не стартовали...

— Чага... — позвал он. — Видишь?

— Да.

— Я прилетел оттуда, Чага, — проговорил он, чувствуя, что хрипнет.

Казалось, она не услышала. Удивленный ее равнодушием, Влад приподнялся на локте, всмотрелся в тронутое обильным звездным светом лицо и понял, что Чага лежит, помертвев от страха. Наконец медленно повернула голову.

— Никому не говори... — произнесла она с тихой угрозой, и у Влада по спине побежали мурашки.

— Я... — растерялся он. — Только тебе... А почему?

— Убьют, — последовал мрачный ответ, и Чага снова стала смотреть на неторопливо переползающую звезду.

— А... за что?

Чага молчала. Потом все-таки ответила через силу:

— Бегущая звезда. Когда она появляется, где-нибудь падает стальная птица... Никому не говори. Узнают — убьют.

Та-ак... Влад, слегка потрясенный, опустился на место. А туземцы-то, выходит, очень неплохо информированы... Бегущая звезда, стальная птица... Однако позвольте! Что значит узнают — убьют?... А сама она разве не знает? Не убила же...

— Хорошо, Чага, — покорно сказал он. — Я никому не буду говорить... Но с тобой-то я могу об этом?..

— Со мной — да, — нехотя согласилась она.

Грузная звезда подползала уже к краю чернеющего бруствера.

— А знаешь, что это? — спросил он.

— Металл, — равнодушно отозвалась Чага.

Влад поперхнулся.

— М-металл... — вынужден был согласиться он. — Но это совсем другой металл! Он не убивает. Он служит людям. Там есть люди, Чага. Много людей. Таких, как я...

Звезда уже скрылась за кромкой развороченного бруствера, а Чага все молчала.

— Там хорошо? — неожиданно спросила она, глядя в мерцающую бездну.

— В моем мире? — уточнил Влад. — Да, Чага. Там хорошо.

Она снова повернулась к нему, и в голосе ее прозвучало какое-то совершенно ребяческое изумление:

— Если там хорошо, зачем вы летите сюда?

— Зачем? Да ради вас!

— Ради кого? — Она в самом деле не понимала.

— Ради тебя, — сказал Влад. — Ради твоих близких. Ради всех людей.

— Ради моих близких? — Она пристально всмотрелась в его лицо. Пристально и тревожно. — Ради Стрыя? Ради Колченогой?

Влад понял наконец, о чем она, и его обдало жаром.

— Видишь ли, Чага... Любой эксперимент всегда бывает чреват нежелательными побочными эффектами... — с запинкой проговорил он по-русски и стал думать, как бы это теперь пере-вести.

«Какой-то совершенно дурацкий разговор», — растерянно подумал он, так и не справившись с переводом.

— Поймай ты! Мы остановим металл! Он не будет летать над степью!

Чага вздохнула.

— Если бы он не летал над степью, — сообщила она, — людей бы уже не было.

— Не понимаю! — сердито сказал Влад. — Объясни.

Чага молча смотрела на небо. Потом губы ее шевельнулись, и она заговорила нараспев:

— Мужчины шли по степи, и в руках у них было оружие. Они убивали друг друга, они убивали детей и женщин, они убивали зверей. А металл смотрел, как они убивают, и видел, что скоро людей не останется вовсе. Он исполнился жалости к людям и восстал на мужчин — быстрый, светлый, разящий без промаха. И мужчины сказали: «Выроем прямые ямы и скроемся в них от металла». И они вырыли прямые ямы, но металл поражал их и в ямах, падая сверху. Тогда мужчины исполнились страха и спросили металл: «Что нам делать?» Он ответил: «Бросьте оружие — и тогда я не стану поражать вас в укрытиях. Буду лишь поражать, пролетая над степью, чтобы люди боялись и помнили...» И мужчины бросили оружие...

Влад был ошеломлен. Фольклор! Фольклор, посвященный металлу! Конечно, сказание на добрую треть состояло из слов совершенно незнакомого, но в целом смысл был ясен. Война, в процессе которой и вышли из-под контроля противопехотные комплексы... Завтра надо будет попросить Чагу, чтобы повторила, а он — запишет...

Ах, блокнотик, блокнотик, на сколько же тебя хватит!..

17

По правде говоря, Влад надеялся, что после этой ночи характер Чаги хоть немножко смягчится. Ничуть не бывало! Вид праздничношатающегося Влада приводил Чагу в неистовство, и на бывшего пилота первого класса начинали обильно сыпаться распоряжения, указания и наряды на работу. Однажды она даже попыталась усадить его за веретено и отказалась от своего намерения, лишь убедившись в полной бездарности Влада. Блокнота при ней лучше было и не доставать...

А Влад ничего не понимал, да и не понял бы, наверное, попытайся она ему все растолковать...

Встреча с людьми застала Чагу врасплох — лишь тогда она осознала, что все долги семейства лежат теперь на них двоих. Конечно, с таким зверем, как Седой, их примет любой сородич... Но если уцелело достаточно много родственников Калбы по мужской линии, их с Владом просто не осмелятся принять. И где уверенность, что никто не попытается поступить с ними, как Стрый поступил с семейством Калбы?..

А Влад только поглядывал удивленно, когда она внезапно меняла маршрут или, скомандовав остановиться, выходила на вершину холма, пристально оглядывая окрестности.

Однажды, завидев в небе тяжелый черный дым, он поднялся за ней на пригорок. Горела роща. Причем как-то странно горела — сразу с трех сторон.

— Металл поджег? — с пониманием спросил Влад.

— Нет, — сказала Чага. — Люди.

— Подожгли рощу?

Чага с досадой тряхнула выгоревшей, неровно подрезанной гривкой.

— Кто-то прячется, — хмуро пояснила она. — Выжигают огнем...

— Изгнанника? — спросил Влад, чувствуя, как омерзительная слабость раскатывается от живота к коленкам.

— Не знаю, — сказала Чага. — Может быть, и хищника...

Они положили зверей в пышно разросшемся желто-зеленом кустарнике и спрятались сами.

— Слушай, Чага, — прямо спросил Влад, — ты кого больше боишься: металла или людей?

— Тебя, — бросила Чага не оборачиваясь.

Влад неуверенно хихикнул. Вот уже и первые проблески юмора... Так, глядишь, скоро они анекдоты начнут друг другу рассказывать... «Сидят в горячей роще два изгнанника. Вот один и говорит другому... то есть другой...»

Продолжения анекдота Влад придумать не смог, да и не успел бы. Глухо стукнули копыта, воздух вспороли визжащие, как металл, крики, и ложбинка ожила. Мимо них огромными прыжками пролетело поджарое и, несомненно, хищное существо, похожее на гепарда с волчьей мордой, нагоняемое храпящим, роняющим пену зверем. Сламывающиеся в суставах мощные ноги металась, как рычаги, в каждом копыте — смерть.

Пятнистый хищник шарахнулся, уворачиваясь, и в этот миг на спину ему с маху бросился всадник. Мужчина. Они покатились, путаясь в редкой высокой траве, взметнулись жилистые пятнистые лапы с жутко растопыренными когтями, и пронзительный крик боли (не поймешь — звериный или человеческий) ошелолил Влада. Чага, бледная, с искаженным лицом, раскинув руки, зажимала храпы обоим залегшим животным и торопливо шептала какие-то шепелявые звериные слова, видимо, упрощая Седого и Рыжую не подавать голоса, не затрубить в ответ.

Вопль оборвался, трава шевельнулась в последний раз, и из нее поднялся победитель в разорванной куртке. Лоб у него был рассечен, улыбающееся лицо заливала кровь. Он нагнулся и рывком вскинул на плечи пятнистую тушу с длинными болтающимися лапами. Вскрапывая и косясь на убитого хищника, возвращался взбудораженный кровью зверь.

Охотник перекинул тушу между горбом и мощной шеей животного и вскочил в седло. У выхода из ложбинки маячили еще два всадника. Весело оскалившись, они смотрели на приближающегося к ним удачливого наездника.

— Хвостом задел? — спросил один, указывая на рассеченный лоб, и все трое расхохотались — нарочито громко, чтобы вся степь слышала, как им весело...

Скрылись. Чага отпустила морды зверей и обессиленно привалилась спиной к горбу Седого.

— Не понимаю, — раздраженно проговорил Влад. — Почему мы прячемся? Мы же не изгнанники — мы семейство!

— Седой... — стонуще произнесла Чага, — как-то судорожно оглаживая жесткую шерсть на хребте зверя.

— Не понимаю, — повторил Влад. — При чем здесь Седой?

Она подняла на него прозрачно-серые, полные муки глаза.

— Это очень редкий зверь, — сказала она. — Такие есть только на севере.

— Ну и что?

— Из-за него уже убили шестерых. Почти все семейство Кабы. Стрый убил из-за него четырех мужчин...

Влад невольно откашлялся.

— А теперь, значит, из-за него поубивают нас? — спросил оп. — Так, что ли?

Чага молчала.

— Да сталь вас всех порази! — взорвался Влад. — Вам что, металла не хватает? Еще и сами друг другу глотки рвете?

Чага все еще перебирала густую шерсть Седого Лица — несчастное.

— Раньше так не было, — тихо, как бы оправдываясь, проговорила она. — А теперь все думают: последние годы живем...

— Послушай, — сказал Влад. — Но если он так опасен, давай выменяем его на другого зверя. Или просто отдадим...

Чага вздохнула и поднялась.

— Не могу, — сдавленно вымолвила она.

— Почему?

— Хороший зверь, — пряча глаза, сказала она. — Ни у кого здесь такого нет...

А к вечеру, словно желая запугать Влада окончательно, достала из седельных сумок кистени и принялась упражняться. Высунувшись из наполовину вырытого окопчика, он с невольным уважением следил, как ходят в воздухе гудящие камни. Надо бы взять у нее несколько уроков. Спिनной к спине с четырьмя кистенями — и ни одна сволочь не подступится, ни пешком, ни на звере... Да к ней и к одной не так-то просто подступиться...

Влад бросил лопатку, которая, кстати, и впрямь была лопаткой какого-то крупного животного — скорее всего того же зверя, и вылез из ямы. В самом деле, если так опасно, то пусть хотя бы приемы покажет...

— Чага!

Она обернулась, и ее глаза внезапно вспыхнули надеждой и радостью.

— Отними! — крикнула она, и камни запели, замелькали.

Влад неуверенно шагнул навстречу, но тут Чага сбросила с ладони несколько витков ремня, камень метнулся в лицо и, не долетев какого-нибудь дюйма, толкнул воздухом. Хорошо хоть засловиться не успел — перелом кисти был бы обеспечен...

— С ума сошла! — сердито сказал Влад, отступая. — Давай теперь я попробую!..

Чага резко опустила руки, камни с глухим стуком упали на землю. Новый приступ ненависти? Ну так и есть...

— Никогда так больше не говори, — процедила Чага. Глаза — как из металла отштампованы. Сталь разящая. Отвернулась, взмахнула руками, и камни снова заходили, завывая, по резко меняющимся траекториям.

Выругавшись вполголоса, Влад возвратился в окопчик, поднял костяную лопатку и продолжил земляные работы. То не говори, это не говори... Да что ж она, дура, не понимает, что в четыре руки отмахаться легче?.. Или кистени — это чисто женское оружие?.. Хм, а это, между прочим, идея...

— Чага!

Она даже не повернула головы в его сторону.

— Чага! Да погоди же ты! Остановись!

Гампи, ускораясь, закрутились по спирально уменьшающимся орбитам и со шлепком улеглись в ладони. Обернулась.

— Чага! Ну что ты злишься? Я же просто не знаю многого!.. Что, кистенями только женщины дерутся?

— Да!

— Ну так предупреждать нужно, Чага! Я же правда, не знал... А каким оружием пользуются мужчины?

— Мужчины не пользуются оружием, — холодно сказала она.

— Как? Вообще?

Чага смотрела на Влада с недоумением.

— Разве я тебе не рассказывала? У них договор с металлом.

18

Ист, но он-то полагал, что речь идет только о металлическом оружии... Как же нужно было испугаться этих самых микрокомплексов, чтобы вообще все на землю побросать!.. Вот идиоты...

А с другой стороны, ситуация приобретает несколько жутковатые очертания... Влад вспомнил взметнувшуюся из высокой редкой травы пятнистую лапу с судорожно растопыренными когтями и почувствовал себя совсем неважно. Да па такую тварь — только с карабином и с егерем! А тот ее — с улыбочкой и голыми руками... То ли задушил, то ли хребет сломал...

Значит, оружия применять нельзя. Кстати, надо будет спросить у Чаги: что будет, если все-таки применишь?.. Запрезирают? Ну, это — на здоровье... Только ведь, скорее всего, загонят в рошу и подпалят с трех сторон... Ладно. Решено. Без оружия так без оружия.

...И что же у нас в активе?.. А ничего в активе! Юпошеское увлечение капоэйрой у нас в активе. Ну еще, может быть, общая физическая подготовка неплохая... Была. До так называемой посадки и сотрясения мозга... Ох, Влад, переломят тебя здесь об коленку при первом удобном случае. Как сушняк. С пушечным треском.

И зачем они откочевали в спокойные степи? Изучать нечего — металл куда-то исчез. Чага говорит: не раскуклился еще. Шутит, наверное... Хотя после паучков этих дикорастущих, кажется, уже во что угодно поверишь. Вплоть до почкования осколков...

Влад ударил пятками Седого и поравнялся с Чагой.

— Ну что, Чага? Может, вернемся?

— Куда?

— Откуда пришли.

— Там металл, — напомнила она.

— Да уж лучше металл... — буркнул Влад.

— Ты как женщина. — Чага усмехнулась. — Только о нем и говоришь...

— Что делать, Чага! Металл — враг. А врага надо звать.

— Мать тоже думала, что знает его, — задумчиво молвила Чага. — А металл ее убил.

Влад фыркнул.

— Что она там знала! Что вы вообще о нем знаете! Ты, например, много о нем знаешь? Как он движется? Почему растет?

— Это вообще незачем знать, — возразила Чага. — Я чувствую, когда он идет. И вовремя уйду с его дороги.

— Интересно! Чем же это ты чувствуешь?

Чага сказала.

— Чем?! — ужаснулся Влад.

Чага повторила. Слово было хорошо знакомо, просто Влад еще ни разу не слышал его при свете дня.

— Ты не сердись, — осторожно начал он, чувствуя, что физиономия его невольно разъезжается в совершенно непристойной улыбке, — но... Что же у тебя там... все опускается, что ли, когда он идет?

— Нет, — вполне серьезно ответила она. — Не опускается. Сжимается.

— Ни черта себе приборчик!.. — пришибленно пробормотал Влад по-русски и некоторое время ехал молча. — Да ведь это просто страх, Чага! А вы его принимаете за чутье!

Она равнодушно повела плечом.

— Какая разница! Главное — почувствовать...

В мутно-голубом небе на относительно небольшой высоте ходила кругами какая-то хищная птица, и означало это, что металл здесь пока воевать не собирается. Влад уже неплохо разобрался в местных приметах. Отвесная сверкающая дарапина по небосклону предупреждала, например, что сейчас в вышине раскроется и замерцает проволочная паутина. Металл — смотрит, и лучше всего свернуть с дороги и поискать укрытие...

А вот косые и параллельные земле серебристые штрихи — это уже серьезнее! Это значит, что по округе мечется так называемый рой. Вообще почти все местные выражения, касающиеся металла, были с наивной прямоотой взяты из жизни насекомых... Металл роится — падай носом в землю и моли судьбу, чтобы это оказался зрячий рой, срезающий лишь верхушки трав, а не слепой, когда паутинчатый локатор уже сбит, и сталь метет, впарываясь во что попало...

Да нет, если не зевать, можно и с металлом поладить. А вот с людьми...

— Чага, а ты можешь показать какие-нибудь мужские приемы? Я имею в виду — приемы драки...

Более изумленного выражения лица он у нее еще не видел. Вопрос, надо полагать, был задав пренебрежливый.

— Я — женщина, — выговорила она наконец с тихим пегодованием в голосе. Но отступать было поздно.

— Они их что, в секрете держат? Я имею в виду — от женщин...

— Конечно!

Так. Ну что ж... Значит, будем вспоминать приемы капозёры... Нет, с металлом все-таки легче. Там хотя бы знаешь, что он не за тобой охотится...

— Чага! А вот ты как-то говорила, что твои родственники могут принять нас в семейство... А если не родственники? Примут? Холодный, несколько презрительный взгляд через плечо.

— Примут. Если ты там найдешь себе женщину, а я — мужчину.

— Ясно... — пробормотал он, помрачнев. — Тогда это, конечно, не подходит...

— Почему?

Влад резко натянул поводья. Седой оскорбленно фыркнул и остановился, мотнув породистой головой.

— То есть как — почему? — От обиды у Влада даже голос сорвался. — Да потому что я уже твой мужчина!

Не менее резко Чага осадила Рыжую и, круто развернув, бросила ее на Влада. Как на таран шла. Запрокинутая, оскаленная морда Рыжей и не менее искаженное смуглое лицо Чаги. Распотыренная пятерня шарит за седлом — вот-вот кистень достанет...

— Ты сначала у меня камни отбери! Мужчина!

Снова крутой поворот — и Чага, не оглядываясь, поехала прочь. В прежнем направлении. Спина — выпрямленная, злая.

Некоторое время Влад остолбенело смотрел ей вслед, сидя на переминающемся, но не двигающемся с места Седом, потом осторожно вывободил ногу из мягкого кожаного стремени и соскользнул на землю. Слабо толкнул зверя ладонью в мощный, тщательно вычесанный бок.

— Иди, Седой... — приказал он перехваченным горлом. — Иди... Догоняй...

Повернулся и побрел в степь. Хватит... Всякому унижению бывает предел... Да, он не мужчина... Он не землекоп, он не наездник, и голыми руками убивать он тоже не умеет... Он просто пилот первого класса, имевший глупость остаться в живых...

Горько скривив рот, он брел, раздвигая редкую высокую траву и жалея только об одном: что под ногами — ни одного осколка... Хотя зачем осколок? За пазухой есть еще нож, к счастью, не выброшенный Чагой... Отойти подальше, выпустить лезвие — а там уже металл сообразит, как с ним поступить...

Над плечом раздалось знакомое фыркание, и в шею ткнулись влажные зубы зверя. Сзади шуршала ломкая суставчатая трава, и мягко ступали тяжелые неторопливые копыта.

— Не надо, Седой... — сдавленно попросил он, — Не надо, иди...

— Влад... — Тихий голос Чаги.

Он обернулся. За ним шли оба зверя. Чага глядела с седла печально и растерянно.

— Влад, тебя убьют...

Повернулся и побрел дальше. Трубочатые травы сами подворачивались в руки и, если вовремя не разжать кулак, натягивались и лопались с тихим и каким-то невероятно тоскливым звуком.

— И меня убьют тоже, Влад...

Остановился. Постоял, опустив голову. «Сил моих больше нет... — беспомощно твердил он про себя. — Сил моих больше нет...» Стиснув зубы, качнулся в сторону степи...

— Влад, уходим! — Резкий, как выстрел ломающегося сушняка, окрик.

Он вскинул голову. Подавшись с седла к горизонту, Чага всматривалась во что-то с земли невидимое. Ни на секунду не усомнившись в необходимости приказа, Влад кинулся к Седому и прыгнул животом на седло. Ухватился за горб, сел, поймал ногами мягкие стремени... Это не могло быть ни шуткой, ни сложной задуманной попыткой примирения.

В степи не шутят.

Кажется, семейная сцена стремительно перерастала в сцену батальную.

— Йо!.. Йо!.. — Чага подгоняла и подгоняла зверей. Пригнувшись к мечущемуся, как пламя костра, горбу Рыжей, сунула не глядя руку в заседельную сумку и извлекла ее уже с затянутой ременной петлей на запястье. Потом — другую. Секунда — и закружат, завоют над головой смертоносные камни.

Смысла происходящего Влад, как всегда, не улавливал — на его долю достались лишь грубые ощущения: топот, биение ветра да чувство опасности за плечами.

А затем случилось нечто странное. Они вылетели из-за холма, и Владу почудилось, что Чага пошатнулась в седле. С этого момента Влад вообще перестал что-либо понимать. Копыта по-прежнему глухо били в землю, но это уже был не надрывный топот погони, а обычный размашистый мощный бег. Их никто не преследовал...

Влад готов был утвердиться в этой мысли, как вдруг заметил то, что минутой раньше заметила Чага: на вершине холма маячил силуэт всадника. Значит, все-таки за ними гнались?.. Тогда почему они сбавили ход? Или уже бесполезно?..

Влад рискнул подхлестнуть Седого, и звери поравнялись.

— Куда мы? — прокричал он, перекрывая топот.

Она коротко взглянула на него, и взгляд был какой-то недобрый.

— К Длинной балке!..

— На холме — всадник!..

— Вижу! — бросила она и снова ушла вперед.

Вот и думай теперь!.. Нет, определенно это какая-то сумасшедшая планета. Все наоборот!..

Холмы кончились, и равнина раскатилась под уклон, прогибаясь подобно гигантской вогнутой линзе. Внизу, полная листвы, вилась и ветвилась огромная балка, по сравнению с которой все их предыдущие ночлеги казались весьма скромными овражками.

Чага выпрямилась в седле и, сбросив с запястий ременные петли, разрешила зверям перейти на плавный неторопливый шаг.

— Ушли? — спросил Влад.

— Да.

— А не догонят?

— Нет. Балку видно.

«Мало ли что видно! — сердито подумал он и, извернувшись, поглядел назад, на пустые холмы. — Мое, конечно, дело десятое, но, по-моему, сами в ловушку лезем...»

Балка была уже совсем рядом. В кроне одного из деревьев вился сизоватый дымок.

— Чага, там люди! — охрипнув, сказал Влад.

— Да, — недовольно подтвердила она.

— А от кого мы бежали? Не от людей?

Вместо ответа Чага прыгнула на землю и повела Рыжую в поводу. Окончательно сбитый с толку Влад последовал ее примеру.

— В балке не тронут, — сжалилась наконец она. — В балке никогда никого не трогают. Ночлег.

Ах, вон оно что!.. Зона мира... Да, но долго-то там быть не положено! Два дня — а дальше?..

Пологий спуск в балку был, кажется, не промыт дождями, но вырыт с помощью костяных лопаток. Отступив к осыпавшейся глинистой стенке спуска, стоял и смотрел на приближающихся путников высокий мужчина с пегими от седины волосами. Чем-то он напомнил Стрыя, а Владу показался похожим на стареющего наемного убийцу: тяжелые седые брови и ужающий шрам на левой щеке (видимо, тоже кто-нибудь хвостом задел).

Человек окинул понимающим взглядом обоих зверей, невольно задержав глаз на Седом, и, практически не удостоив вниманием Чагу, стал смотреть на Влада, причем бровь у него недоуменно вздернулась.

Часовой, что ли? Да нет, не похоже — верно, просто вышел полюбоваться степью... Да и возраст не тот: такие скорее назначают часовых, а не караулят сами...

— В балке тесно? — спросила Чага мужчину, когда они поравнялись.

Тот перестал разглядывать Влада и уставился теперь на Чагу.

— Ночлег для всех, — неспешно и хрипловато ответил он. — С севера?

— Да, — сказала Чага. — Семейство Имки.

Такое впечатление, что незнакомец растерялся.

— Двое? — спросил он.

— Да.

Седоватые брови рухнули на глаза, с боков жесткого рта залегли глубокие, как шрамы, складки.

— Значит, не убереглась... — проворчал он как бы про себя и, помолчав, коротко спросил у Чаги что-то непонятное, кивнув при этом на Влада.

— Нет, — сказала она. — Металл оглушил.

Кажется, его собираются выдать за контуженого... Ну что ж, в общем, так оно и есть — грянуться вместе с каусулой о грунт...

Ступая по скрипучему хрусткому щебню, словно специально насыпанному для того, чтобы никто не мог пройти неслышанным, они спустились в балку. Был полдень, под ногами шевелились рваные солнечные пятна, лучи простреливали листву навывлет. Влад оглянулся, уверенный, что стареющий незнакомец со прамом цожирает глазами Седого, но ошибся. Тот стоял, как-то странно сторбившись, и в их сторону не смотрел вообще.

Поодаль, где балка распадалась надвое, у просвеченного насквозь ручья в полном молчании мылись четыре женщины. Священнодействовали в чем мать родила. Одна старательно посыпала пеплом мокрую голову, две другие не менее старательно вымывали эту дрянь из волос. Четвертая вычерпывала кожаным ковшиком замутившуюся воду из вырытого на берегу углубления. Купаться в самом ручье было не принято — ночлег для всех...

— Три семейства, — не оборачиваясь, тихо сообщила Чага. — Кажется, все с юга...

Влад муром пожал плечами. Да хоть бы и с юга... Сделав вид, что поправляет на Седом тук, покосился украдкой на женщин. Все четыре, прервав омовение, провожали пришельцев пристальным взглядом.

В центре большого круга золы горел аккуратный костерок. Возле него, чуть присев, стояли друг против друга двое мужчин и, играючи, ломали хворост. Делали они это так: один брал средней толщины жердь и внезапно кидал ее другому. Тот, ни разу не поддавшись на ложный выпад, ловил ее раскинутыми руками — и там, где его пальцы смыкались в кулак, жердь с хрустом ломалась. Видимо, какая-то особая хватка, позволяющая дробить хворост одной рукой. Хворост, ключицы, ребра...

Первый нагнулся за очередной жердиной, но, увидев Седого зверя, выпрямился. В благоговейном изумлении он смотрел, как мимо него проводят косматого после бега благородного гиганта.

— А вот паука тебе железного за пазуху! — насмешливо крикнул ему второй. — Все равно ведь не обернуться!..

Но он все-таки обернулся. И точно так же замер, увидев Седого, — красивый ладный парень с запекшейся раной во весь лоб. Влад уже видел однажды это лицо, только тогда оно было залито кровью и исковеркано звериной ликующей радостью.

Он поспешно отвел глаза, не дожидаясь, когда печальный знакомец переведет взгляд со зверя на владельца, и прошел вслед за Чагой в конец балки, где они стреножили и привялились развешивать животных.

— Зря мы сюда пришли, — сказал Влад.

— Ночью уйдем, — хмуро ответила Чага и, видя, что он нагнулся за гребнем, быстро наступила на костяной инструмент. — Не прикасайся!

— Почему?

Чага исподлобья смотрела мимо Влада — туда, где горел костер и вскрикивал ломаемый хворост.

— Они с юга, — сказала она. — У них мужчины зверей не вычесывают.

— Я на место положить хотел, — объяснил Влад.

— Вообще не прикасайся!

— Что? Так строго?

— Я же тебе говорю: они с юга! — злобным шепотом произнесла Чага. — Увидят с гребнем — поступят как с женщиной!..

20

Старелющий высокий мужчина со шрамом на левой щеке шел по испятнанной солнцем балке, направляясь к их костерку. Чага и Влад видели, как его остановил парень с запекшейся раной во лбу и начал что-то горячо доказывать. И, хотя в сторону новоприбывших не было брошено ни единого взгляда, оба почувствовали, что речь — о них. Точнее — о Седом.

Высокий слушал, нахмурившись, потом неопределенно качнул пегой головой и двинулся дальше. Парень с явным вызовом бросил ему в спину негромкий, но, надо полагать, язвительный вопрос. Высокий обернулся и смерил сопляка презрительным взглядом.

— Лоб залечи, — низко проклокотал он. — А потом будешь Армаю советовать...

Подойдя, присел у костерка на корточки. Помолчали.

— Меня зовут Армай, — ворчливо представился он, обращаясь в основном к Чаге.

— Я слышала о тебе, — почтительно отозвалась она. — Меня зовут Чага. Его зовут Влад.

Вскинув седоватую бровь, Армай еще раз оглядел Влада.

— Совсем не слышит? — спросил он.

— Слышит, — сказала Чага. — Понимает не все.

Армай кивнул.

— Плохо... — Он взял не глядя толстую хворостину и рассеянно сломал ее одной рукой. Бросил оба куска в костер.

— Я знал Имку, — неожиданно сообщил он. — Чуткая была. Металл за день слышала. Девчонка еще — а уже Мать семейства...

Влад покосился на Чагу и увидел, что она слушает Армая с величайшим изумлением. А тот, не замечая, продолжал:

— Да... Ваши тогда кочевали в верховьях Большой реки. Если бы Имка захотела уйти к нам, я бы отнял у нее камни... Но она не захотела... Как она погибла?

Чага потупилась.

— Влада оглушил металл, — запинаясь, проговорила она. — Я осталась с ним, а остальные ушли вперед... и там их прижало к роще...

Она умолкла. Армай тоже молчал. Ребристая от мышц рука, дрогнув, потянулась за следующей хворостиной. Влад с боязливym уважением смотрел, как толстые, чуть ли не квадратного сечения пальцы смыкаются на хрупкой коричневой палке, готовясь безжалостно ее перекусить.

— Стальная птица... — процедил Армай, и Влад вздрогнул. — Говорят, что их насылают Приручившие металл... Вранье! Молодые закон забыли: стариков оставляют в степи, а зверей им не дают. Потому и металл поднимается, и стальные птицы падают!.. Последний год живем... На западе — разоренные земли, на севере — разоренные... Кто уцелел — бежит сюда... Ты должна знать Камаха.

— Я его знаю, — тихо сказала Чага.

— Вчера он ушел к озерам. С ним всего три человека, и он — родственник Имки, он должен вас принять... — Армай помолчал и вдруг спросил, глянув пристально из-под тяжелых бровей: — Ночью бежите?

Чага быстро опустила голову, но Влад все же заметил, как сильно она побледнела.

— Да, — еле слышно сказала Чага.

— Постарайтесь к утру добраться до озер, — сказал Армай, поднимаясь. — Своим я запрещу, по тут еще два семейства, им ваш зверь тоже нравится... — Он снова помолчал и заговорил с горечью: — Раньше так не было. Раньше, если кто нападал на слабое семейство, — против него вся степь поднималась. Забыли закон...

Чага и Влад долго смотрели ему вслед. Фыркали звери, трещал костер.

— Ты ему веришь? — тревожно спросил Влад.

— Старый дурак! — с неожиданной яростью бросила Чага. — Имка у него чуткая была! Да она нас чуть ли не каждый день металлу подставляла!..

— Погоди... Имка — это Мать?

— А то кто же! — От бешенства на смуглых щеках Чаги

проступил румянец. — Дряблая матка! Дура! Да если бы не она!..

— Успокойся... — попросил Влад. — Не знаю, как у вас, а у нас о мертвых плохо не говорят...

Он выбрал хворостину потоньше и, взяв ее посередине в хитро сложенный кулак (не зря он наблюдал за Армаем), нажал. М-да... С тем же успехом он мог сжимать ее до вечера. А если рывком? Нажал рывком и чуть не сломал палец. Криво усмехнулся и перехватил хворостину в обе руки.

— Не вздумай ломать об коленку! — быстро предупредила Чага.

— Ладно, — сказал Влад. — Не буду.

Сломал на весу и бросил половинки в костер.

— А почему они за нами не погонятся?

— Побоятся, — сказала Чага. — Ночью один металл хорошо видит...

По балке гуляли сквозняки, растопыренные солнечные пятна шарили вокруг неярко горящего костра, то ощупывая невзначай обнаженный бицепс Влада, то украдкой оглаживая серебристый бок Седого...

Потом к ним подошла Мать одного из семейств, довольно молодая женщина с властным грубоватым лицом, и заговорила с Чагой. Предложила два мешочка соли, если Седой покроет одну из их самок. Чага согласилась, и Седого увели на случку.

— А вернут? — с сомнением спросил Влад.

— Конечно, вернут, — сказала Чага. — Мы же не в степи... Влад вздохнул.

— Не надо было сюда сворачивать...

— Я и не собиралась! Просто нас заметили!

Да-да, силуэт всадника на холме, сменившийся ритм бега...

— Чага, а от кого мы убегали?

Она отвернулась и с озабоченным видом принялась развязывать мешочек, как бы желая проверить, хороша ли заработанная Седым соль. Мешочек почему-то никак не желал развязываться. Влад уставился на ставшие вдруг неумелыми пальцы Чаги, и его наконец озарило.

— За нами вообще гнался кто-нибудь? — спросил он, появив голос.

— Нет, — сдавленно ответила она, не оборачиваясь. — Просто я испугалась, что ты уйдешь. Так никто не делает... Все боятся, что их оставят в степи, сам никто не уходит... А ты — другой. Я ипогда боюсь тебя сильнее, чем металла... Не уходи больше! — внезапно попросила она и обернулась.

— Господи, Чага... — только и смог выговорить Влад.

Они действительно ушли ночью. Никем не преследуемые и ни разу не потревоженные металлом, они покачивались в седлах среди обильных звезд и высоких шуршащих трав. Потом небо стало бледнеть, прорисовалась черная гряда холмов, потянуло зябким утренним ветерком — и пришлось поплотнее закутаться в колючие одеяла из шерсти зверя,

Потом взошло солнце. Тускло взблескивающая речушка потекла расплавленным металлом. Другой воды нигде видно не было, и Влад, хорошо запомнивший вчерашний совет Армая, забеспокоился.

— Чага, а где же озера?

— Там. — Она не глядя махнула рукой куда-то на запад.

— Как?.. — Влад растерялся. — Но ведь там же этот... родственник Матери... Если он действительно примет нас обоих...

Вместо ответа она затынула свою кошмарную песню.

— Чага!

Она оборвала поту и усмехнулась.

— Камах — родственник Имки, это правда, — сказала она. — Но он еще и родственник Калбы. Хороши бы мы с тобой были, явившись к нему с Седым!..

Влад вникал в сказанное минуты две. А когда вник, закутался в одеяло еще плотнее. Зазбило всерьез.

— Так это что же? Выходит, Армай посылал нас на смерть?

— Выходит, так...

— Но зачем?! Может быть, он просто не знал?

— Может быть, — сказала Чага. — Какая разница? Главное, что я знала...

Слова закружились серо-зеленые, похожие на спутанную проволоку рощи, над северным горизонтом вставало подобно айсбергу пришедшее со стороны океана облако. Так, глядишь, и промочит. Дожди здесь короткие, но бурные. Все равно что постоять под водопадом — эффект тот же...

Правда, нет худа без добра: в грозу металл не летает — видно, велики помехи... Влад нагнулся поправить мягкое кожаное стремя, и в этот момент за рошей справа сверкнула на небосклоне вертикальная мгновенная царапина.

— Чага!

Она даже не повернула головы.

— Да, — сказала она. — Металл просыпается. Пока он только смотрит. Ройться начнет дней через пять. Но мы уже тогда будем далеко...

Привал устроили в полдень на берегу, поросшем чудовищным, как бамбук, камышом. После вычесывания зверей, омовения и прочих обязательных обрядов Влад рассудил, что до начала земляных работ у него еще есть час свободного времени. Скинув куртку и похожие на мокасины башмаки, он перепоясался потуже и начал тренировку.

Честно говоря, он был уверен, что Чага немедленно это безобразие прекратит, причем самым простым и надежным способом, а именно — забросает распоряжениями, как она это делала всегда, завидев у него в руках не любимый ею блокнот. Однако, к удивлению Влада, Чага лишь поглядела на него с интересом и, взяв костяную лопатку, пошла рыть окопчик. Сама.

То же самое произошло и на следующем привале, и простенькая истина открылась наконец Владу: если мужчина оттачивает свое боевое мастерство, мешать ему не следует. Трудно, правда, сказать, как Чага воспринимала невиданную здесь капройру, но каждый раз, когда Влад доходил до наиболее эффективных акробатических приемов, она бывала несколько озадачена и долго потом с сомнением качала головой.

А дождавшись конца тренировки, доставала свои кистени и принималась круто замешивать ими гудящий воздух.

— Слушай, Чага... — осторожно начал Влад, глядя, как мечутся, настигая воображаемого врага, певучие дырчатые булыжники. — Помнишь, когда мы с тобой поссорились, ты сказала: сначала отбери у меня камни... И Армай тоже что-то такое говорил... Что это значит?

Чага пустила оба камня по кругу, наматывая ремни на ладони. Испытующе посмотрела исподлобья на Влада.

— Кто отберет у женщины камни, — негромко, но как-то по-особенному отчетливо проговорила она, — станет ее мужчиной.

— Так мы же вроде уже... — растерянно сказал Влад.

— Это ничего не значит, — бросила Чага, и смуглое лицо ее снова стало неподвижным, чуть ли не враждебным.

Ну вот! Как ночь — так извольте на кошму, а теперь, оказывается, ничего не значит!.. Хотя все правильно: сейчас он — любовник, а отберет кистени — станет мужем... Ой, Влад, а пужен ли тебе этот законный брак?.. Влад пригляделся и понял, что, кажется, нужен: видя его колебания, Чага уже была готова с презрением отвернуться, а этого он перенести не мог.

— Кто-нибудь еще должен это видеть? — спросил он, чтобы просто потянуть время.

— Зачем?

Ну ясно... Значит, свидетелей не требуется... Жених с невестой да пара кистеней... Влад вздохнул.

— А прямо сейчас?

Фыркнули, слетая с ладоней, спели, натянувшись рывком, ремни, взвыли просверленные насквозь камни. Видно, дырки в них были сделаны не только для крепления, но и для устрашения тоже...

Ну что ж, надо решаться... Влад чуть пригнулся и, пританцовывая по-боксерски, двинулся навстречу, ловя момент, когда в этом яростном камнепаде возникнет хотя бы намек на брешь. Не дождавшись такого намека, он сделал резкое обманное движение и, пропустив камень над плечом, кинулся к Чаге...

Она бы не тронула его. В конце концов так всегда поступают, если видят, что правящийся тебе мужчина не может прорвать заслон из мелькающих камней. Тем более заслон, поставленный Чагой, которая владела кистенями не хуже Матери... Но он сделал какое-то странное непредсказуемое движение — уклоняясь от обманного броска, как-то неловко сунулся головой вперед, и тяжелый гладкий камень пришелся ему прямо в лоб, причем с таким звуком, что Чага обмерла, а потом бросилась к опрокинувшемуся навзничь Владу.

Хвала металлу, Влад был жив — ерзая по земле локтями, пытался встать. Увидев над собой испуганное лицо Чаги, заставил себя криво улыбнуться, хотя боль была, честно говоря, ошеломительной.

— Кажется, не слишком удачное сватовство, а?..

Их перехватили на четвертый день возле излучины, точнее — подстерегли. Три мускулистых, голых до пояса туземца выехали им навстречу из-за шевелящейся стены похожего на бамбук

тростника. Непопытно, почему они не подпустили путников поближе, но, надо полагать, из спортивного интереса — чтобы не лишать себя радости погони, исход которой был ясен заранее: звери преследователей не были навьючены, и уйти от них можно было, лишь скинув на ходу поклажу. То есть лишившись всего...

Именно так перехватили когда-то Стрый и Натлач молодого изгнанника, прикинувшегося потом калекой: догнали и сбили с седла, пока он пытался отвязать полные водой мехи...

Чага избавилась от поклажи мгновенно — и освобожденная от груза Рыжая полетела вдоль бамбуковых зарослей, далеко выкидывая голенастые сильные ноги. Седой отставал — Влад никак не мог распутать узел, связывающий левый тук с правым. Топот, храп и ликующие крики за спиной неотвратимо надвигались, а из синего неба равнодушно смотрел на людскую возню пробуждающийся паутинчато взблескивающий металл.

Наконец узел поддался, тюки глухо ударились о землю где-то позади, и в этот миг Седой резко сменил направление бега, пытаясь обогнуть притаившийся недалеко овражек. Влада не выбросило, а скорее вынесло из седла — он довольно удачно упал боком и, кувыркнувшись несколько раз, вскочил.

Они даже не стали преследовать Чагу — какой смысл? Вернется — куда денется! В одиночку не спасешься... Поднявшись на ноги, Влад обнаружил, что с двух сторон гарцуют на хрипящих зверях весело скалящиеся туземцы, а с третьей чуть присел в боевой стойке главарь — старый знакомец с рассеченным лбом. Поигрывая сухими звериными мышцами, он тоже улыбался пашемшливо и явно приглашая Влада напасть первым.

Выручай, капоэйра! Влад упал на руки и ударил ногой. Вряд ли он промахнулся — скорее уклонился противник. Поспешно вернувшись в исходную позицию, Влад увидел, что главарь несколько озадачен.

Хищник, боевая машина — одни мышцы, ни единого грамма жира. Босой. Вместо обычной одежды — кожаная юбочка с бахромой. На тех, что остались верхами, — тоже. Военный наряд, надо полагать...

Главное — не попасться на захват. Влад попытался провести еще один удар и был пойман на лету за пятку. В мгновение ока его руки и ноги оказались оплетены руками и ногами противника — и оба покатались, наматывая на себя голенастые стебли. Хрустнул взятый на излом коленный сустав, прострелило болью. Влад рванулся что было сил и, к удивлению своему, каким-то чудом вывернулся. Противник уже ждал его в стойке; прозрачно-серые, как у Чаги, глаза смотрели на Влада с веселым любопытством.

— Сталь тебя порази... — поднимаясь, процедил Влад, и всадники обидно захохотали.

Главарь неуловимым движением скользнул к Владу и, ухватив руку, слегка повернул. Степь крутнулась перед глазами, и в следующую долю секунды Влад вкопался в землю — плечом и челюстью. В глаза полыхнуло ослепительной зеленью, потом что-то стиснуло ему ноги, и теперь уже захрустел перегибаемый позвоночник. «Ну, все...» — только и успел подумать Влад, как вдруг стальная хватка вновь ослабла, и он, откатившись, остался лежать на земле. «Играют... — понял он, задохнувшись от пепависти и отвращения. — Тешатся... Как кошка с мышкой...»

На этот раз он поднимался на ноги медленно — сознавая, что делает это скорее всего последний раз в жизни. Он многое успел запомнить, поднимаясь: мечущегося без седока, испуганно трубящего Седого, искаженное яростью лицо скачущей на вырубку и размахивающей кистенями Чаги, пристальное мерцание металла в синем небе.

— За что? — хрипло спросил он по-русски. — Что я вам сделал?

Противник переступил — мягко, по-кошачьи, босая нога его попала в подсыхающую лужицу, и между чистыми пальцами выдавилась полужидкая лоснящаяся грязь. Почему-то именно это потрясло Влада больше всего. Сейчас его сомнут, продавят между пальцами, как эту грязь, и тщательно потом отмоют — с золой... Его, явившегося сюда ради них — жестоких, безмозглых, маниакально чистоплотных животных с прозрачными серыми глазами...

Влад почувствовал, как кровь отлила у него от лица. Он выпрямился и, сунув руку за пазуху, с ненавистью уставился на противника. Видимо, это его и спасло — туземец удивился и подарил ему еще одну секунду...

...Стальное лезвие бесшумно выскользнуло из рукоятки — и все в степи замерло, отпрянув...

С сияющей смертью в руке Влад шагнул вперед, но сделать ничего не успел. Не потратив зря ни мгновения, всадники развернули зверей и погнали их прочь. А спустя секунду в седле оказался и противник Влада.

— Йо!.. — И коричнево-черный зверь рванул с места.

Не помня себя и чуть не плача от пережитого унижения, Влад размахнулся и кинул нож в спину туземцу — в ненавистную, оплетенную сухими мышцами спину. Нож не был предназначен для метания, да Влад, впрочем, и не надеялся поразить противника — метнул скорее от избытка чувств. Клинок вцепился плашмя между лопатками, но в этот миг над степью сверкнуло, взвизгнуло — и подоспевший металл, промахнувшись по ножу, ударил туземца в голову.

Коричнево-черный зверь, всхрапнув от ужаса, резко подался вниз, к земле, и мертвый всадник завис на секунду в воздухе — с раскинутыми ногами и с наполовину снесенным черепом. Металл ударил еще раз, не дав ножу долететь до земли каких-нибудь двух дюймов, а Влад даже не догадался залечь — стоял и, не веря, смотрел на дело рук своих...

Потом из травы поднялась Чага и подошла, волоча за собой кистени. Седого и Рыжей видно не было — не решились встать без команды. Чага взяла за повод коричнево-черного зверя, и он поднялся, дрожа и косясь на распростертое тело хозяина. Повернулась к Владу, и тот растерялся, увидев ее глаза. Впервые Чага смотрела на него со страхом.

— У тебя больше ничего нет? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. — Честное слово... Ты прости меня, Чага. Так получилось...

В молчании они подобрали скинутый во время погони скарб, павьючили зверей, избавив Седого и Рыжую от лишнего груза.

— Чага, — сказал Влад. — Ну что ты, глупая? Главное — живы...

— Нас теперь никто не примет, — проговорила она. — Ни

одно семейство. К нам теперь даже никто не посмеет приблизиться... Мы теперь для всех — Приручившие металл...

— Можно подумать, мы с тобой рапыше никогда не прикасались к металлу! — хмуро сказал Влад.

— Прикасались... Но об этом никто, кроме нас, не знал.

Влад взял Чагу за плечи, повернул к себе лицом, и она, к его удивлению, не вырвалась — подчинилась.

— Чага! — сказал он. — Да не все так плохо! Они нас теперь боятся, понимаешь?.. Прости, но в конце концов лучше неправильно выжить, чем правильно умереть!

Закусив губу, она смотрела с тоской в сторону серо-зеленой, припавшей к земле рощи.

— Жить одним — тоже неправильно, — сказала она.

23

И лишь к вечеру, когда добрались до привала, Влад понял, что Чага в чем-то, пожалуй, права: небольшая балка была не просто пуста, она была покинута только что. В костре тлели угли, возле купальной ямы, вырытой у ручья, лежал брошенный кожаный ковшик.

— Ничего не понимаю, — признался Влад, озираясь. — Здесь что, стало опасно?

— Нет, — сказала Чага. Подняла ковшик, осмотрела. Ковшик был хороший, новый. Вернулась к разложенному на земле скарбу, положила находку рядом.

— А чего же они тогда испугались?

— Нас, — негромко отозвалась Чага, развязывая тюк.

— Не может быть! — поразился Влад. — Когда ж они узнали?..

Чага вздохнула.

— В степи не скроешься...

Так... Система оповещения у них, надо признать, на уровне. Видимо, тут же разослали гонцов по всем семействам... И те, в свою очередь, тоже... Влад еще раз оглядел балку и почувствовал себя неуютно. Все-таки одно дело, когда ты сам избегаешь людей, и совсем другое, когда люди избегают тебя... Милые, славные люди, готовые в любой момент изломать тебя голыми руками...

Ясно, как воочию, он снова вдруг увидел грязь, медленно продавливающуюся между чистыми пальцами хищно ступающей ноги, — и от ненависти потемнело в глазах... Хватит! Побегал я от вас! Теперь вы от меня побегайте!.. Балка была брошена, как селение, отданное завоевателю без боя...

Прихрамывая (все-таки повредил коленку, мерзавец!), Влад подошел к купальной яме бросить в загоревшееся лицо горсть воды, но, увидев отражение, задержал руку. Хорош! Лоб рассажен кистенем, щека ободрана... Завоеватель. Железный Хромец.

Запрокинул голову, осмотрел кроны и, выбрав дерево, полез за топливом. Сбрасывая хорошую сухую ветвь, увидел сквозь разрыв в листе Чагу. Низко опустив голову, она сидела на коротках возле гаснущего костра, и в руке у нее был обломок ветки, о котором она, кажется, забыла. Бедная девочка... Угрозило же тебя связаться...

Впрочем, когда он доволоч ветвь до моста, костер уже исправно пылал, а сама Чага усердно вычесывала Седого.

— Слушай, — сказал он, отбивая сучки рубилом. — Объясни мне вот что... Ты взяла в руки металл, и тебя оставили в степи, так? А в других семействах об этом знали?

Костяной гребень на секунду замер, потом двинулся снова — чуть медленней.

— Наверное, нет, — сказала она. — Наши никому не успели передать...

— А если бы успели? — спросил Влад. — Вот ты изпанник. Ты едешь по степи, а павстречу тебе другое семейство. И оно знает, за что тебя оставили... Они от тебя убегают?

— Нет, — сказала Чага. — Они меня убивают.

— Почему? Ты же — Приручившая металл!

Чага обернулась.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Приручившие — это не те, что прикоснулись к металлу. Это те, кого металл слушается.

— Что?! — Влад выпрямился, едва не вырвав рубило.

Чага повторила сказанное и снова повернулась к Седому. Несколько секунд Влад приходил в себя.

— А ты их хоть раз видела?

— Нет, — сказала Чага. — Они вообще не кочуют. Они живут под землей. В предгорьях на юге.

— Так что же ты раньше молчала? — закричал Влад.

— Ты не спрашивал, — спокойно ответила она.

Влад бросил рубило, подошел, прихрамывая, к свернутой кошме, сел. Чага наблюдала за ним искоса. Влад сидел, уставив незрячие глаза в костер. Мир, в который он попал, прояснялся, становясь еще страшнее и непригляднее... Значит, до сих пор сидят в бункерах и нажимают на кнопки... Сволочи, ах, сволочи!..

— Чага! А что про них еще говорят? Кто они? Откуда взялись?

Она опустила гребень, помолчала и с неохотой начала нараспев очередную легенду:

— Быстрый, светлый, разящий без промаха пролетал над степью и увидел троих мужчин с оружием в руках. Он разгневался и сказал: «Все мужчины, кроме вас троих, бросили оружие. Или вы надеетесь укрыться от меня в прямых ямах?» Мужчины ответили: «Мы не будем рыть прямые ямы, мы выроем извилистые и глубокие, и ты не сможешь поразить нас в них». И металлу стало весело. «Если я не смогу поразить вас (так он сказал!), то выполню все, что вы мне прикажете». Мужчины вырыли извилистые глубокие ямы, и металл ничего не смог им сделать. «Приказывайте, — сказал он в гневе, — по знайте: никто из вас уже не выйдет из этих ям, таких глубоких и таких извилистых. И лишь в последние дни мира я разрешу детям детей ваших выйти из-под земли и кочевать вместе с остальными...»

Чага умолкла. Влад был откровенно разочарован: легенда содержала гораздо меньше информации, чем он надеялся. Если их с Чагой принимают за этих выходцев из-под земли — стало быть, конец света ожидается со дня на день. Вот, пожалуй, и вся информация. Остальное — образы...

Влад поднялся, сморщившись от боли в коленке.

— Чага! — решительно сказал он. — А ты знаешь, как добраться до этих предгорий?

Чага медленно повернулась к нему, и Влад увидел, что лицо у нее бледное, как пепел.

— Там — смерть, — еле вымолвила она.

— Здесь повсюду смерть, Чага, — ответил он, — Мне пужно с ними встретиться. С Приручившими металл.

— Зачем?

Подошел, прихрамывая, взял за плечи, твердо взглянул в глаза.

— Надо.

24

Что-то случилось с Чагой. С того самого дня, как повернули на юг, молчала целыми днями. Не возражала уже, если Влад доставал при ней блокнот, командовать перестала вообще. Правда, Влад давно не нуждался в понукании — отдыха себе не давал: рубил, копал, вычесывал. Сам ловил и умерщвлял сусликов, надеясь хоть этим поднять Чаге настроение... Бесполезно. Ни распоряжений, ни приступов бешенства, и петь в степи перестала — ехала молча, опустив голову. Дошло до того, что одинокого всадника на равнине первым заметил Влад... Хотя, конечно, всадник увидел их раньше. А увидев, повернул тощего облезлого зверя и припустился паутек к огромным, как бамбук, тростникам.

— Чага, кто это?

Повернула голову, всмотрелась нехотя.

— Изгнанник...

— Изгнанник?.. А может, гонец?

— Нет... Гонца посылают налегке, а этот с поклажей. И зверь плохой — вот-вот упадет...

— А чего он так испугался? Нас же только двое!

— Думает, что остальные его ловить поехали...

Напрягая зрение, Влад вглядывался в далекую шевелящуюся стену тростников, за которой скрылся беглец.

— А если принять его в семейство?

— Зачем он тебе нужен? — равнодушно спросила Чага. — Его же, паверное, не зря оставили в степи...

«А тебя?» — чуть было не спросил Влад, но вовремя прикусил язык.

— А вот интересно... — сказал он через некоторое время. — Если металл убил всех, и в живых из семейства остался один человек... Поверят ему, что он не изгнанник?

— Не знаю, — сказала Чага. — Как повезет...

Огромный тоскливый страх навалился на нее с юга, и странно было сознавать, что не опасность приближается к ней, а она сама — впервые в жизни — движется навстречу опасности... Куда они идут?! И зачем?.. Чага украдкой покосилась на Влада. Как сильно он изменился!.. Спаленная солнцем кожа обтянула упрямые скулы, на лбу — подживающий след от кистеня, и глаза просветлели, стали совсем мужские — пристальные, беспощадные... Неужели он и вправду не боится?..

— Может, лучше переправиться на ту сторону? — спросил Влад.

Они спустились к речушке и вскоре добрались до песчаного брода, причем увидели его издали: на сотню шагов вдоль берега тростник был недавно сбит низко пролетевшим металлом. До воды оставалось рукой подать, когда Чага резко повернула Рыжую и, ни слова ни говоря, поехала обратно.

— Что, Чага?

— Здесь не переправишься, — сказала она.

Влад спрыгнул на взвизгнувший сухой песок и подошел к воде. Светлое солнечное дно мерцало осколками, над которыми замедленно копошились четыре огромных серебряных паука, усыпанных пузырьками воздуха. Влад негромко присвистнул. Даже если в воде они кажутся больше, чем на самом деле, — какой же в них должен быть накоплен заряд! Веселая бы вышла переправа...

На тот берег они перебрались в другом и, нужно сказать, чертовски неудобном месте. Шли в прежнем порядке: впереди Чага на Рыжей и с навьюченным черно-коричневым зверем в поводу, замыкающим — Влад. Нового зверя Чага назвала Угольком, и он, что интересно, охотно на эту кличку отзывался. Впрочем, позже выяснилось, что всех зверей такой масти здесь зовут преимущественно Угольками...

— Чага, а что дальше бывает с металлом? Я имею в виду: с тем, который ползает...

Чага дремала, покачиваясь в седле.

— Вырастает, — сказала она. — Потом закапывается.

— А дальше?

— Закукливается и ждет. Долго ждет. Потом начинает роиться.

Влад толкнул Седого пятками и, поравнявшись с Чагой, взглянул ей в лицо.

— Чага! Ты это точно знаешь?

Неопределенно повела плечом.

— Так говорят...

Говорят... Редкий по надежности источник информации! И, что самое обидное, единственный. Пока... Как же они боялись, эти давно сгнившие создатели микрокомплексов, что кто-нибудь ненароком захватит их детище!.. Чуть что — самоликвидация! На любой стадии! Тарантул тот металлический аж оплавился, бедный, от собственного разряда... О снарядах и говорить нечего: пока летит — попробуй разгляди, а раз упал — то уже в виде осколков... Так что вся надежда на Приручивших металл. Если они, конечно, не выдумка...

Местность постепенно менялась: холмы пошли выше, на склонах корчились похожие на обнаженные корни карликовые, скудно оперенные листвой деревья. Овражек, выбранный Чагой для стоянки, был заплетен ими сверху почти полностью и, надо полагать, никому никогда не служил местом ночлега. Все правильно: степь потянулась запретная, необитаемая...

Ведя животных в поводу, они уже спускались в овражек, как вдруг Чага схватила Влада за руку, чуть не пережав ее до кости.

— Назад!

По откосу овражка карабкался металлический паучина — с кулак, не меньше. Не удержался на крутизне и, кувыряясь, скатился в прелую листву, устилающую дно. Чага и Влад отшат-

нулись, ожидая отвесного разящего удара. Но удара не последовало — паук побарахтался немного и снова заковылял в прежнем направлении.

— Уходим! — шепнула Чага.

Влад резко высвободил локоть.

— Это что же?.. — медленно заговорил он — скулы сводило от ненависти. — Нам из-за этой железки еще и другой почлег искать?

Он подошел к еще не развьюченному Угольку, отвязал свернутую подстилку, высвободил шест. Бросил, не раскатывая сухую кошму на прелые листья и, встав на скатку обеими ногами, коротко ткнул паука шестом в блистающую спинку. Трепещущий хлопок электрического разряда заставил зверей шарахнуться, в овражке пахло озоном. Влад прыгнул со скатанной кошмы, подцепил кончиком шеста скрюченную металлическую лапу. Взмах — и безжизненный слиток, сверкнув, улетел в просвет между судорожно сплетенными ветвями и, описав в синем небе дугу, исчез из виду.

— Вот и все! — бросил Влад, стараясь не глядеть на Чагу. — Давай-ка посмотрим, может, он тут не один...

В синеве меж ветвей взвыло, зазвенело, сверкающая молния прострелила сплетенные кроны, посыпалась срезанная листва. Влад рассмеялся.

— Давай-давай!.. — влорядно сказал он металлу. — Дураком был — дураком останешься...

Тут он спохватился и обеспокоенно оглянулся на Чагу, ожидая увидеть в ее глазах суеверный ужас.

Чага смотрела на него задумчиво и печально. Чуть ли не с жалостью.

25

Паук — бесформенный слепой слиток — одолевал глинистый пригорок, поочередно, толчками занося суставчатые лапы. Справа у него их было три, слева — три с половиной. Точнее — с четвертью, и блестящую эту культяпку он заносил точно так же — в несколько приемов. И ведь упорно ползет, целенаправленно... Интересно только — куда?

Это был уже третий паук, замеченный Владом с того момента, как он выбрался из овражка. Все приблизительно одного размера, все поклеваны металлом с воздуха... И все куда-то ползут. Невзирая на препятствия...

Влад оглянулся. Заплетенный кривыми корчащимися ветвями овражек источал сизую струйку дыма — Чага разводила костер. Вон тот прогал между корнями-кронами, через который он выкинул невинно убиенного паука. Накопителя...

Так вот, невинно убиенный накопитель, помнитесь, штурмовал откос вон в том направлении... То есть получается, что ползут они все разными путями, но в одну точку, и расположена эта точка... Да вон за тем холмом она и расположена!

Влад поднялся с земли и, пригибаясь, двинулся к вычисленному месту сбора. Глинистая почва была основательно перепахана и усеяна осколками, причем с каждым шагом выбоины и рытвины попадались все чаще, в большинстве своем — свежие,

в одной даже что-то еще дымилось... Видя такое дело, Влад счел за лучшее не рисковать — лег на живот и пополз...

Выбрался на край воронкообразной впадины и замер. Внизу, подобно гигантскому раку-отшельнику, ворочался накопитель Бальбуса. В натуральную величину. Оплывшая выщербленная глыба на синеватых клешнеподобных лапах... С кем это он расправляется? Влад всмотрелся... Сталь разящая! Да ведь это он накопителя поменьше употребляет!.. А вон еще один ползет... Ну правильно! Все они сюда ползут — на съедение... Время разбрасывать осколки и время собирать осколки... Да, но как же они так здорово ориентируются? Ведь по прямой ползут — точно, не сворачивая... Влад перевалился на бок и посмотрел вверх. В синеве прозрачно мерцали знакомые спиральные паутины. Три штуки. Интересно... Значит, не только излучают, но еще и выдают информацию паучкам...

Внезапно воздух прошло стремительными серебристыми иглами, и в следующий миг в пологую перепаханную воронку с визгом ворвался металл. Несколько снарядиков ударили рядом с ворочающейся тусклой глыбой, вскинув землю, а остальные, заметавшись, прыгнули ввысь, то ли уходя на второй заход, то ли на самоподрыв. А между прочим, с точностью попадания у них не очень... Ну как это можно промахнуться по такому...

Владу не пришлось завершить эту мысль. Рывнуло совсем рядом, земля подбросила его, как батут, посыпались комки глины вперемешку с осколками.

— Э, ребята! — ошалело бормотал Влад, соображая, куда бы отползти. — Вы меня с кем-то перепутали... Я-то тут при чем?..

Слова взвизгнуло, и облако пыли вспучилось внизу — еще дальше от цели, чем в первый раз... Ах, сталь его порази, неужели он им помехи ставит?!

А ведь наверняка! Спинаща у накопителя — чуть ли не полметра в поперечнике, а они, между прочим, по лезвию ножа бьют влет и без промаха!.. Так что, выходит, помехи для них — дело знакомое...

И тут вдруг металл «пристрелялся». Два снарядика один за другим щелкнули по чудовищной броне и, срикошетировав, взорвались в воздухе. А вслед за этим плотная стремительная стайка впоролась в землю под самое днище. Грохот, вспучившийся грунт, металлического гиганта выкорчевало и перевернуло. На секунду Влад увидел его сложное хрупкое брюшко, которое тот пытался прикрыть медленно поджимающимися клешнеобразными лапами. Не успел. Металл ударил повторно. Брызнули обломки блестящих сегментов, а затем воздух раскололся с грохотом, и ослепительная корчащаяся молния запустила тонкие корешки в пологие склоны перепаханной воронки.

Оглушенный, Влад так и не успел прийти в себя — на окрестность, как заряд дождя, посыпались частые дробные удары. Повсюду взбрасывались невысокие фонтанчики грунта. Уничтожив главного врага, металл щелкал поодиночке накопителей помельче. Но те, надо полагать, тоже умели ставить помехи — один из снарядов без видимых причин ударил в нескольких шагах от Влада. Запоздало прижав к запорошенным глазам ладони, Влад откатился вслепую и, не удержавшись на краю воронки, съехал вниз.

Грунт был перемолот на совесть, и стоило шевельнуться, как

происходил небольшой оползень, и Влад соскальзывал еще дальше. Потом что-то фыркнуло (еле слышно — сквозь звон в ушах) и шлепнулось рядом. Несколько секунд Влад ждал взрыва, наконец кое-как протер глаза, проморгался и поднял голову.

Прямо перед ним, зарывшись на треть в рыхлую землю, лежала металлическая сигара с обломком стабилизатора. Невзорвавшейся боевой единицей это никак быть не могло: те где-то с палец, а эта штука сантиметров сорок в длину, если не больше... Прибыла явно воздухом, хотя совершенно непонятно, как это ее такую не сбили по дороге... Или сбили все-таки?

Глаза пришлось протереть еще раз, потому что с сигарой начала твориться какая-то загадочная чертовщина. Тонкая, как скорлупа, оболочка ее стала вдруг, потрескивая, отваливаться кусками, обнажая монолитную зернистую сердцевину, которая вдруг, в свою очередь, приплась размягчаться на глазах, растекаясь ртутной лужицей... Или даже не растекаясь, а расплозаясь, как нежный порошок, хлынувший, серебрясь, в ту сторону, где чернела изувеченная обугленная туша расстрелянного накопителя.

Влад подsunулся поближе, потом, не поверив, тронул мерцающий ручеек и, поднеся палец к глазам, всмотрелся. Это были микроскопические серебряные паучки — сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч. Лужица как бы стремительно испарялась — снабженные ножками молекулы удирали куда подальше от места рождения...

— Вот оно что... — лихорадочно повторял и повторял он, выходя из воронки. — Вот оно что... Вот оно что...

До полного распада смысла.

Чудом не ухватившись за раскаленный спекшийся участок грунта, куда запустила корешок давешняя молния, он вылез наверх и, пошатываясь, пошел к овражку. Дважды пришлось залечь, потому что металл никак не хотел успокоиться...

Потом Влад вспомнил про корм зверям, за которым он, собственно, и выходил наружу. Вернулся, поднял обе палки с примотанными к ним охапками длинной голенастой травы и, волоча их за собой, ввалился в овражек — грязный, избитый, исцарапанный...

Чага навьючивала Уголька. Быстро повернула голову к Владу и, с облегчением вздохнув, продолжала затягивать узы. Влад огляделся. Рыжая и Седой были уже оседланы.

— Уходим?

— Да, — отрывисто сказала она. — Корм не оставляй — привяжи к седлу. Всякое может случиться...

— Зпасшь, ты, наверное, права... — медленно проговорил Влад. — Не добираться нам до этих предгорий... Давай-ка вернемся на север...

— Мы туда не вернемся, — бросила Чага, привязывая Уголька за длинный повод к седлу Рыжей.

Влад замер в обнимку с охапкой травы.

— Почему?

— Там сейчас еще опаснее, — сказала она. — Металл роится...

— Позволь... — растерянно выговорил он. — А куда же мы тогда идем?

Чага ухватила за повод Рыжую и повела зверей к выходу из овражка.

— На юг, — сказала она. — Куда ты хотел. Больше идти некуда...

Одним быстрым рискованным переходом они вышли из-под удара. Местность потянулась более спокойная, хотя и разоренная, изрытая, усыпанная осколками, между которыми ползали маленькие — с ноготок — накопители.

— Что чувствуешь? — спросил Влад, когда они, окопавшись на почь, присели на бруствер.

— Везде металл, — устало сказала она. — Но на севере хуже всего...

Влад понимающе покивал. Он тоже был разбит и вымотан до предела.

— Да, Чага... — вздохнул он, бесцельно крутя в руках костяную лопатку. — Это, конечно, я виноват, что мы здесь оказались...

Солнце садилось. На юге пыльной зубчатой полосой виднелась горы. Отроги Главного хребта.

— Ты странный... — тихонько сказала Чага. — Ты никогда не бываешь виноват...

Встала, бросила на плечо бурдюк, подняла, присев, ковшик и пошла совершать омовение. Влад посмотрел ей вслед, вздохнул и достал блокнот.

Кажется, сегодня он узнал о металле больше, чем за все время своих кочевий... Во всяком случае, цикл наземного развития микрокомплексов (назовем его «накопление») относительно ясен. Некто, сталь его порази, запускает сигарообразный снаряд, начиненный металлическими микропаучками, каковые немедленно после посадки (надо полагать, как можно более мягкой) рассеиваются и начинают активно подъедать осколки, каким-то образом наращивая массу и вообще развиваясь...

Только что вылупившись, они уже прекрасно ориентируются. Доказательство: основная масса паучков хлынула именно в сторону уничтоженного накопителя-гиганта... Видимо, все-таки роль детекторов, выбрасываемых металлом приблизительно на высоту трех километров, сложнее, чем думалось раньше...

Один из накопителей, резко обогнавший в росте собратьев, становится малоподвижен, и вот тут, рискуем предположить, начинается вторая и заключительная стадия накопления. А именно: более мелкие и более мобильные накопители сползаются к самому крупному и поглощаются им с большим аппетитом... Да! Накопители могут ставить и ставят помехи! Причем весьма умело это делают... Откуда берут энергию — по-прежнему неясно, но заряд у накопителей Бальбуса — чудовищный. Видели, знаем...

А вот дальше ниточка обрывается. Дальше, по словам Чаги, металл закапывается и, по ее же словам, закукливается. После чего идут сплошные вопросительные знаки. Раскапывать такую прелесть, естественно, не стоит... Хотя любопытно: если он там, под землей, перерождается и выползает снова на поверхность уже готовым к бою микрокомплексом... Фу, черт, аж голова кругом идет!..

И Влад, прищурившись, стал смотреть па зубчатую пыльную полосу далеких гор. Приручившие металл... Если это не просто легенда и остатки машинной цивилизации действительно ушли в подземелья, то, пожалуй, хотя бы на часть своих вопросов он у них ответы получит... Ну а если они в самом деле каким-то образом управляют деятельностью микрокомплексов — скажем, высевают этих самых паучков... Жутковатый вариант, между прочим! Объекты оборонного характера должны хорошо охраняться. А туземцы боятся предгорий, как металла! Недаром же Чага сказала тогда: «Там — смерть...»

«Все-таки скотина я порядочная, — угрюмо подумал Влад. — Зачем я ее вообще тащу с собой? Она-то в чем виновата?!»

— Чага!

Она обернулась, отжимая коротко подрезанные волосы. Смуглая, точно отлитая из темного металла.

— Знаешь, Чага... Я вот подумал и, знаешь... Не стоит тебе рисковать. Давай так: я возьму Уголька, ты мне покажешь, куда идти, а сама подождешь меня здесь.

Не сводя с него глаз, она медленно покачала мокрой головой.

— Я иду с тобой.

— Но почему, Чага? Пойми: там в самом деле может быть очень опасно! Я могу не вернуться...

Прозрачно-серые глаза вспыхнули, и Влад на секунду увидел прежнюю Чагу — бешеную и упрямую.

— Потому и иду!..

27

Оползень случился здесь очень давно: часть горы съехала, открыв красноватый жилистый скол, в самом пизу которого зияла черная прямоугольная дыра. Туннель. Щебень попеременно с кусками распавшейся скалы вздымался языком к выветрившемуся обваленному порогу.

— Металл свидетель, — шепотом сказала Чага. — Я тебя одного туда не отпущу!

Влад невольно взглянул вверх. В ослепительно-блестящем небе ничего не сквозило и не заблескивало паутинчато. Свидетелей не было.

— Чага, — сказал оп. — Ну кто-то же должен присмотреть за животными...

— Мы их стреножим, — сказала Чага. — Угонять их некому, люди сюда не заходят...

Закусив губу, она сердито глядела в сторону. Ладони плотно обмотаны сыромятными ремнями, гладкие дырчатые камни лежат уютно, как в гнездышках. И ведь ничего с ней не сделаешь — полезет следом... Сцена, конечно, может получиться изумительная: сидят интеллигентные люди, нажимают кнопки, пытаются спасти планету или, скажем, напротив — погубить ее окончательно... Входит Чага с кистенями — и начинается диалог...

— А скорее всего, — задумчиво молвил Влад, глядя на черный прямоугольник входа, — зря мы сюда пришли. Пусто там, Чага. Пусто, холодно и безлюдно... Ты мне лучше скажи: как дорогу освещать будем?

Чага наклонилась над развязанным тюком и выпрямилась со связкой извилистых корешков в руке. Выпущенный камень ка-

чался на ремне как маятник. Приподняв брови, Влад взял протянутую связку, осмотрел. Смолистые корни, туго обмотанные длинными лентообразными листьями...

— Факелы? — поразился он. — Ты что, заранее знала?

— Все говорят: там темно... — уклончиво ответила она.

Они отвели скверей в травянистую низинку и двинулись по осыпающемуся склону вверх — к туннелю.

— Только знаешь что... — озабоченно говорил Влад. — Ты все-таки держись сзади... И главное: не вздумай пустить в ход оружие...

— Я постараюсь, — ответила Чага, но твердой уверенности в ее голосе не было.

— Погоди, — сказал Влад, когда они влезли на хрупкий от времени, крошащийся и скрипящий под ногами бетон. — Факел зажечь забыли.

Чага молча сунула ему в руки смолистый забинтованный лептовидным листом корень и шаркнула кремнем о камень. Брызнули колющие искры. Влад осторожно подул на разбежавшуюся розовым кружевом искру, и факел вспыхнул. Затрепала, закипела смола... А листьями корень обмотан, видимо, для того, чтобы целиком не полыхнул... А так, конечно, он будет выгорать постепенно... Неглупо придумано.

Сначала показалось, что коридор заканчивается глухой стеной, но он просто сламывался там почти под прямым углом и вел вправо. Пока все по легенде: вырыли ямы извилистые и глубокие... Факел плевался горячей смолой и сыпал искрами. Серая тень метнулась мимо них к выходу — не иначе, грызун какой-нибудь типа крысы... Пыль, бетонная крошка, иногда хрустнет под погой тонкая белая косточка... Запустение. Странно, что воздух не такой уж и затхлый. Видимо, вентиляция все-таки работает... Или протягивает естественным путем...

Они миновали второй поворот, и Чага, ахнув, отшатнулась. Чудовищный огромный металл уставил на них слепую блестящую морду, заткнув ею все пространство впереди. Блики от горящего факела стекали по светлым извивам, как кровь.

Влад оглянулся удивленно.

— Чага! Ты что? Это ворота. Стальные ворота...

Чага все еще стояла неподвижно. Влад улыбнулся.

— Конечно, надо привыкнуть... Ты просто никогда не видела столько металла... Постой пока здесь, хорошо?

Он поднял факел повыше и двинулся к слепому металлическому чуду. Чага хотела пойти за ним — и не смогла. Ноги не слушались. Прерывисто дыша, она прислонилась к шершавой каменной стене и смотрела с отчаянием, как Влад, остановившись перед смертельной, тускло поблескивающей преградой, бесстрашно тронул ее голой рукой, а потом еще и погладил — нежно, словно вычесанного зверя.

— Ты не бойся, Чага, — говорил он, оглядывая и ощущая то, к чему не приближался бы ни один человек — даже под страхом изгнания. — Это честный простой металл... Осколков не жрет и летать не летает... Если бы он еще открывался — цены бы ему не было... О! А это что? Ну-ка, позволь...

Влад переложил факел в левую руку, а правой уперся в преграду изо всех сил. И металл уступил — узкая прямоугольная

плита, вильнув, ушла вовнутрь и в сторону, открыв вертикальный проем, наполненный серым сумраком.

Влад опять обернулся, причем вид у него был весьма озадаченный.

— Я-то думал, у них тут все кодировано-перекодировано, а они вон как — калитку пастежь...

Она не поняла, потому что конец фразы он произнес на своем языке.

— Хотя... — задумчиво продолжал он, снова перейдя на человеческую речь. — Страх — лучший сторож... Я бы на их месте и ворот навешивать не стал. Кинул бы (незнакомое слово) поперек прохода — и достаточно...

Он нагнулся и, держа факел на отлете, просунул голову в наполненный серыми сумерками проем.

— Влад! — тихонько вскрикнула Чага.

Он стоял с головой, как бы отъеденной металлом, и Чага, заставив, заставила себя шагнуть к нему. Но тут Влад подался наконец обратно и подошел к ней сам.

— Вот, — сказал он, отдавая ей факел. — Жди меня здесь...

Слабой рукой она припала сгоревший до половины туго обмотанный листьями корень, и в алых скачущих бликах Влад увидел ее лицо. Увидел — и схватил за плечи.

— Чага! — умоляюще проговорил он. — Чага, я все понимаю! Но я не могу иначе, металл свидетель! Раз уж я оказался здесь живой, я обязан — понимаешь? — я должен во всем разобраться!..

Он тряхнул ее за плечи и с надеждой заглянул в глаза.

— Жди меня здесь... — еще раз попросил он.

28

Факел догорал. Остаток смолистого корня торчал из трещины в бетонном полу, шипело брызжущее искрами крохотное пламя, а Чага сидела на корточках и в оцепенении смотрела, как обугливается, разломачиваясь, обмотка из влажных лентовидных листьев. Еще немного — и огонек над бьющейся на полу тенью сравняется с трещиной, потом провалится в нее — и погаснет...

Машинально она потянулась к связке и вдруг поняла, что точно так же догорят и погаснут все ее корни и она останется одна — в черноте этой страшной, правильной, как окоп, пещеры.

Пламя пригнуло из бетонной щели — и опало. Мягким оползем навалилась глухая беззвездная ночь. Плоская металлическая громада пропала. Остался лишь узкий прямоугольник голубоватосерого предрассветного сумрака, в котором исчез Влад, да тусклый отблеск сбоку — гладкий и ровный, как спокойная вода.

Если не смотреть на этот блик, если постараться забыть, что это металл, если подойти и, не коснувшись, протиснуться боком... Чага поднялась, оброненные кистени со стуком упали на пол, пришлось их снова смотать... Ласковый смертельный блик притягивал взгляд и не разрешал закрыть глаза.

И Чага попыталась вспомнить, как это было там, у высохшей роци, когда она подошла к Седому и, раздвинув жесткую шерсть на горбу, вынула из рапы осколок... В тот раз она даже не успела испугаться, настолько быстро все произошло...

Почти теряя сознание от страха, Чага приблизилась к узкому проходу, пошатнулась и вынуждена была опереться рукой. Ладонь лизнуло гибельной металлической прохладой, и Чага, с ужасом оттолкнувшись, шагнула в проем.

Споткнулась, будто ее толкнули в спину, и сделала еще пару быстрых шагов — подалше от стальной громады. Стена справа через равные промежутки как бы вспучивалась огромными дождевыми пузырями, и из этих пузырей струился серый предутренний полусвет, омывая мертвенно поблескивающие поверхности.

Дрожа всем телом, как Седой, когда он лежал с осколком в горбу, Чага двинулась по переходу, стараясь держаться подалше от стены, и чуть не вскрикнула, взглянув под ноги и увидев, что идет по сплошному рубчатому металлу.

«Я — мертвая, — поразила внезапная мысль. — Мне уже все равно — я мертвая...»

После этого, как ни странно, сердце забилося спокойнее, дыхание выровнялось, и, сделав еще несколько шагов, Чага попала в гулкий сводчатый грот, весь уставленный металлческими предметами, и остановилась перед вправленной в стену вогнутой плитой из вулканического стекла. В его полупрозрачной толще изгибались белые трещины, а в верхнем углу плиты чернела рваная дыра.

Влада нигде не было. Чага огляделась и вздрогнула, увидев в разбитой стеклянной плите свое тусклое отражение. А дальше случилось то, чего она ждала и боялась: за спиной отражения шевельнулся, отходя в сторону, металл, открывая зияющую дыру в стене, — и прежде чем Чага успела осмыслить этот новый ужас, резкий мужской голос скомандовал:

— Стоять!..

Как будто она лежала или сидела... Обомлев, Чага медленно повернулась и оказалась лицом к лицу с бедным худым мужчиной в рваной нелепой одежде, очень похожей на ту, что она когда-то отняла у Влада и зарыла под берегом... Кам-бизом — кажется, так это называется...

Человек был невероятно грязен, смрад немытого тела заставил Чагу попятиться. Злобное изумление стыло в маленьких, глубоко упрятанных глазах мужчины, а в руке он держал стальной предмет сложной формы, напоминающий кулак с выпрямленным указательным пальцем, причем палец этот был трубчатым, как тростник, и черное круглое отверстие глядело на Чагу в упор.

— Грязные кочевники!.. — процедил мужчина, кривя бледное костистое лицо, и сделал что-то с металлом, отчего тот звонко и страшно щелкнул.

Но тут в стене справа шевельнулась, уплывая в сторону, еще одна плоская стальная глыба, и в пещеру, пригнувшись, вошел Влад.

Услышав ляг, мужчина резко обернулся, и они увидели друг друга одновременно.

— Чага, ложись! — отчаянно крикнул Влад и, схватив какой-то ярко блеснувший предмет, метнул его мужчине в голову.

Тот уклонился, и сложный слиток металла в его руке взорвался дымом, огнем и грохотом. Удар, взвизг — и что-то зазвенело, разбиваясь, за спиной Чаги. Влад кинулся на пол и тут же вскочил, как подброшенный, — нечто подобное он уже проделывал когда-то у нее на глазах, отрабатывая странные и,

в общем-то, бесполезные в степи приемы драки. Металл рывкнул снова, но Влад уже катился по полу, а в лицо мужчине летел еще один предмет.

— Чага, ложись!!

Она пятилась, волоча за собой оброненные кистепи, и никак не могла заставить себя броситься на рубчатый металл. Потом серый полусвет внезапно начал меркнуть, и последнее, что она успела увидеть, медленно оседая на пол, были пламя и дым, вылетевшие (на этот раз беззвучно) из металлической трубки, и Влада, падающего навстречу вспышке. Медленно-медленно, как во сне, он оттолкнулся ладонями от пола, и нога его, плавно взмыв, коснулась мотнувшейся головы мужчины...

А потом все померкло, рассыпалось тихим звоном...

29

Звон оседал, затихая, сквозь него уже проступали хрипая непонятная ругань, возня, кажется, даже удары. Затем плачущий голос выкрикнул:

— Грязные кочевники!..

— Ты, что ли, чистый? — ворчливо отозвался голос Влада. — Разит от самого, как от... — Последовало непонятное слово, скрипнули затягиваемые ремни, а дальше Чага почувствовала, как ее бережно приподнимают и прислоняют спиной к чему-то пугающе холодному и твердому.

— Чага, девочка... — озабоченно бормотал Влад где-то совсем рядом, дыхание касалось лица. — Ну что ты... Я же говорил: подожди меня там... — Сильные нежные пальцы принялись осторожно похлопывать ее по щекам. Потом, кажется, Влад резко повернулся, и голос его снова стал жестким:

— Вода у вас здесь есть? Ну ладно, мыться — не моетесь, но пить-то вы что-то должны!.. А, сталь тебя порази, ты же с кляпом...

Чага открыла глаза. Действительность колыхнулась лепивой волной и обрела четкость, испугав яркими бликами на скругленных металлических углах. Влад стоял, наклонившись над извивающимся на полу человеком в грязном, увешанном сталью кам-бизоме: Изо рта мужчины торчал шерстяной наремешный мешок Влада, руки были стянуты за спиной, и связанный неловко взбрыкивал босыми ногами, безуспешно пытаясь сесть.

Уловив движение, Влад повернулся к Чаге, и лицо его, за мгновение до этого жесткое, злое, дрогнуло, стало нежным и растерянным. На щеке — продолговатая припухлость, как от удара палкой.

— Ну, хвала металлу... — с облегчением выдохнул он. — Отчулась?

Не отвечая, Чага смотрела на его правую руку, небрежно держащую стальное оружие, способное извергать огонь, грохот, смерть. Влад заметил это и смутился.

— Какая прелесть... — целовко ослабившись, проговорил он. — Какая прелесть — после ваших костоломов иметь дело с (незнакомое слово)... Мышцы — отсутствуют, глазомера — нет, быстроты — никакой... Удивительно приятный человек...

Он поднес к глазам смертоносный предмет, что-то в нем сдви-

нул, чем-то шелкнул и, задумчиво выпятив губы, покивал. Потом вскинул его на вытянутой руке и прищурился. Связанный мужчина приподнялся, выкатывая полные ужаса и удивления глаза. Кляп во рту его шевелился, человек гримасничал и мычал.

— Как ты, Чага? — спросил Влад, опуская оружие.

— Хорошо... — тихо сказала она.

Он улыбнулся ободряюще.

— Пойду проверю входы... А ты пока последи за ним. Да не бойся ты, Чага, это такой же человек, как и мы. Если понадобится — стукни кистепем, только не насмерть, пожалуйста...

Ушел. Чага поднялась с пола и, не спуская глаз с незнакомца, начала медленно наматывать на ладоши ремни кистеней. Слышно было, как Влад ворочает и передвигает что-то тяжелое, громыхая и лязгая. Связанный теперь неотрывно смотрел на Чагу — с презрением и бессильной яростью.

Потом вернулся Влад.

— Еще два выхода, кроме нашего... — задыхаясь, сообщил он. — Других нет... Я их там задвинул чем мог... Ну что он, не брыкался?

— Нет, — сказала Чага.

— Это хорошо... — Влад кивнул. Присел на корточки и, положив на колено руку, отягощенную стальной смертоносной тварью, осторожно вынул кляп. Человек закашлялся.

— Устраивайся поудобнее, — мягко посоветовал Влад. — Разговор будет долгий...

— Кто ты? — просипел человек.

— Как видишь, не кочевник, — несколько надменно ответил Влад. — Точнее — не совсем кочевник. И уж, во всяком случае, не грязный.

— Чего ты хочешь?

— Знать, — сказал Влад. — Ты — один из Приручивших металл?

Лежащий язвительно покрякивал бледные, обметанные сыпью губы.

— Я — его владыка.

Чага даже не ужаснулась этим страшным словам. С камнями в руках она стояла, готовая не раздумывая выполнить любой приказ: убить, умереть, прикоснуться к металлу. Она была сейчас орудием Влада — и хорошо, что так. Иначе она бы, наверное, просто сошла с ума.

Влад задумчиво прикладывал сталь к припухлости на правой щеке.

— Мы не причиним тебе вреда, — сообщил он вдруг лежащему.

Тот презрительно засмеялся.

— А вы и не сможете! — сказал он. — Металл следит за каждым вашим движением! Я нарочно поддался тебе — для забавы... Стоит мне приказать — и металл убьет вас!

— Прикажи, — негромко попросил Влад, и человек уставился на него в страхе.

Влад вздохнул.

— Пока тебя здесь не было, — сказал он, — я все осмотрел. Если не считать вот этого, — Влад качнул оружием, — здесь ничего уже не работает. Либо сломано, либо... либо лишено силы. Светильники еще, правда, горят, но, думаю, на последнем

издыхании... Твой металл не сможет нас убить. Он состарился и умер задолго до твоего рождения.

Связанный извернулся и все-таки сел. Бледное костистое лицо его было перекошено злобой.

— Ложь! — крикнул он. — Стареют и умирают люди! А металлы — бессмертны!

— Смотря какой металл, — спокойно заметил Влад. — Меня, например, интересует тот, что летает над степью.

— Он ворвется сюда и убьет вас! — крикнул связанный владыка.

— Сомневаюсь, — сказал Влад. — У него очень слабые (непонятное слово) возможности. Если присыпать осколок землей, он его уже не видит. Это знают даже грязные, как ты выразился, кочевники. Ты что же, хочешь нас уверить, что металл может проникать взглядом сквозь скалу?

— Да! — хрипло сказал человек. — Может!

Влад усмехнулся устало и покачал головой.

— Как ты управляешь металлом?

Лицо владыки застыло, стало отрешенным.

— Я прошу его, — пачал он почти шепотом, но потом голос его наполнился яростью. — Я прошу его поразить грязных кочевников, отвернувшихся от него, предавших его, обратившихся к камню и кости!.. Я прошу поразить его склоны предгорий, чтобы ни один из отступников не приблизился к его обители!..

— И он всегда выполняет твои просьбы?

Владыка прикрыл синеватые бьющиеся веки.

— Нет... — еле слышно выдохнул он. — Не всегда. Он позволил прийти сюда вам... Видно, правда наступают последние дни мира... Повелевать металлом может лишь непорочный и чистый, какими были первые владыки, а я...

Влад невольно покосился на покрытые грязными потеками босые ноги мужичпы.

— Ну хорошо... — сказал он. — А могу я встретиться и поговорить с главным владыкой?

Связанный вскинул голову и грозно раскрыл глаза.

— Ты и так говоришь со мной!

— Что?! — Влад опешил. — А... остальные?

— Остальные подчинены мне, — последовал высокомерный ответ.

Некоторое время Влад ошеломленно молчал. Потом заговорил, слегка запинаясь:

— Допустим, так, но... У вас же должно быть какое-то главное... святилище... Место, где хранится вся... Как бы это сказать?... Вся мудрость, все знания о металле...

Оскалившись, связанный подался к Владу, словно пытаясь дотянуться зубами до его горла.

— Да! — выкрикнул он. — Такое место было! Но ты уже осквернил его, грязный кочевник!

Плечи у Влада обмякли, он медленно поднялся с корточек и растерянно оглядел помещение: расколотый экран с двумя черными пробоями, облезлые кожухи, обрывки проводов...

— Как? Это?.. — унавшим голосом переспросил он и ответа не получил. Огляделся еще раз, нахмурился и снова повернулся к связанному.

— Кто-нибудь еще должен сюда прийти?

— Сюда позволено входить только мне, — сквозь зубы произнес владыка. — Но если я не вернусь, сюда, конечно, придут...

— Вот и хорошо, — устало проговорил Влад. — Они тебя и развяжут... Присмотри за ним, Чага.

Он скрылся за нагромождениями металла. Снова загремели и заскрежетали по полу передвигаемые предметы. Вернулся Влад без оружия, по с гибким черным корешком, которым он связал владыке еще и ноги.

— Вот так, Чага, — проговорил он с виноватой, беспомощной улыбкой. — Знаешь, еще когда увидел эту нору — подумал: зря мы сюда идем. Так и вышло... — В голосе его вдруг зазвучала горечь. — Конечно, за тысячу лет они все растеряли, все забыли... Оказывается, ты знаешь о металле гораздо больше, чем он...

— Ты — лжец! — прохрипел лежащий, яростно извиваясь. — Ты выйдешь отсюда — и металл поразит тебя!..

— Может быть, — ответил ему Влад. — Но даже в этом случае ты будешь ни при чем... Пошли, Чага!

Она повиновалась и молча двинулась за ним. Они шли по металлу среди опасно шевелящихся бликов — к стальной громаде, прорезанной узким прямоугольным проходом. Чага отвела протянутую Владом руку и перешагнула порог сама, без помощи. А дойдя до первого поворота, вдруг поняла, что жива и, привалясь к шершавой стене, начала медленно оседать на пол.

Он подхватил ее, поднял на руки и вынес из туннеля. Спрыгнул на хрустнувший щебень и то ли сбежал, то ли съехал вниз по склону. Громоздились серые в прожилках скалы, в синем небе знакомо взблескивали паутинчатые спирали внимательного металла.

В низинке их ждали стреноженные звери. Чага уже приходила в себя. Влад посадил ее на траву, спял с запылтых ременные петли так и не пригодившихся кистеней. Кипул оба в седельные сумки и принялся навьючивать черно-коричневого Уголька. Потом, нетвердо ступая, подошла Чага и стала помогать.

Они уже были в седлах, когда что-то звонко ударило в камень и зануло, улетая прочь. И тут же в отдалении раздался такой звук, будто лопнула скала.

Влад крутнулся на Седом звере. В черном проеме туннеля виднелась человеческая фигурка. Во вскинутой руке мерцала стальная крупинка. Вот она сверкнула, окуталась дымом — и последовал новый щелчок о камень.

— Гляди-ка, — вымолвил Влад. — Развязался...

Он приподнялся в седле и закричал:

— Уходи!.. Уходи, дурак! Металл смотрит!..

Ответом был третий выстрел. Фигурка спрыгнула с бетонной кромки и, увязая в щебне, двинулась к ним. Призрачные серебряные штрихи пронзили воздух — металл почувал цель.

— Самоубийца... — растерянно сказал Влад Чаге, неотрывно глядя на оползающую по склону фигурку.

Стальная крупинка в вытянутой вперед руке внезапно разлетелась вдребезги, и человек, закрыв лицо руками, повалился на спину, продолжая съезжать по склону. Металл упал на него отвесно — единый десять. Дробный взрыв, треск разлетающегося щебня, верх склона сдвинулся и пошел, грохоча и вздымая каменную белую пыль. Металл хоропил своего владыку.

— Надо уходить, — негромко сказала Чага.

...Размашистым шагом зверя несли их вниз по ущелью. За спиной рычал, звенел и взвизгивал удаляющийся бой — видно, подлетели новые стаи металла и схлестнулись друг с другом.

— А порох у него, наверное, самодельный, — ни с того ни с сего расстроено сообщил Влад. — Дымит — как сырой сушняк... Чага пристально взглянула на него — и не ответила.

30

И все же не зря он утащил ее к этим горам: как ни странно, по их путешествие многое прояснило. Можно уже, например, аккуратно вычеркнуть из блокнотика бредовые домыслы о гуманных (или зловредных) отшельниках, контролирующих деятельность металла из подземелий. Как, кстати, и гипотезу об автоматических цехах, неумоимо производящих и рассеивающих по белу свету микроскопических стальных паучков... Нет, государи мои! Металл развивается по изящному замкнутому циклу, он сам себе цех и сам себе владыка — и к черту, к черту все эти громоздкие утяжеляющие довески в виде отшельников и подземных конвейерных линий!..

Итак... С боеготовым или, как здесь принято выражаться, роящимся микрокомплексом ты вблизи дела еще не имел. И, может быть, хорошо, что не имел... Однако кое-что о нем уже известно. Первое. Новорожденный (раскуклившийся) комплекс начинает с того, что выстреливает на высоту около трех километров импульсный излучатель (длинная вертикальная царапина по небу). Тот раскидывает антенну (мерцающая спиральная паутина) и начинает свободное падение, испуская импульс за импульсом. Ловит «зайчики», то бишь отраженные металлом эхо-сигналы, как-то их, видимо, обрабатывает и передает вниз — на микрокомплекс. Металл — смотрит...

И что же он там (то есть — здесь) высматривает?.. Ну, прежде всего стайки «чужого» металла... Стоп! А как он вообще узнает, что металл — чужой?.. Черт! Хочешь не хочешь, а придется допустить наличие у этих стальных ирраций автоответчика, хотя, металл свидетель, картина усложнится дьявольски...

Ладно, допустим, автоответчик... Летит, мерзость такая, и сигналист: «Я — свой!», «Я — свой!..» Для своих свой, естественно...

Минутку, а почему «прежде всего»? С чего бы это металлу размениваться на всякую мелочь? Во-первых, наверное, — поразить крупную цель! А крупная цель — это, похоже всего, накопители Бальбуса.

Ну, здесь вроде бы малость полегче — как-никак сам наблюдал. Итак, накопитель Бальбуса и сползающийся к нему накопители помельче... Металл их видит — и начинает роиться. Иными словами, получив данные сверху, выстреливает обойму снарядиков, предположительно движущихся на ракетной тяге и заведомо снабженных микроголовками самонаведения, автоответчиком и взрывным устройством вдобавок... И все это, сталь их поразит, втиснуто в изделие величиной с палец!

И пошла баталия... Накопитель Бальбуса ставит помехи, закапывается в грунт, подставляя непробиваемый панцирь, — и либо

выдерживает атаку, либо, как это случилось в прошлый раз, не выдерживает... А металл начинает щелкать поодиночке накопителей помельче... Кстати, получается, что накопители паразитически используют информацию, получаемую от «чужого» локатора. Забавно...

Ну хорошо... Враг разбит. В прямом смысле. А самому-то микрокомплексу какая от всего от этого польза?

Минутку-минутку... То есть как — какая? Как — какая?! Ах, сталь его порази! Да он же туда потом запускает снаряд, начиненный своими собственными паучками!.. Сперва вспахал, потом посеял... Да, но если поблизости уцелел хотя бы один «чужой» накопитель размером, ну, скажем, с кулак? Он же их всех слокает!.. Естественно, слокает. И правильно сделает. Стрелять точнее надо!..

Вот ведь как все любопытно складывается!.. Ну а допустим, что какой-нибудь комплекс по соседству, не будь дурак, дожидается себе спокойно конца битвы и тоже посылает на разрыленное и удобренное обломками накопителей поле брани снаряд с паучками... Его, конечно, пытаются сбить. Но ведь он же его пошлет под прикрытием роя, а ресурсом-то у него больше, с монстром-то Бальбуса он не воевал... Мало того, он еще и постарается сбить снаряд дурака победителя...

Вот-вот-вот... И пошла свистопляска, и схлестнулся металл с металлом, затрещали рожи, брызнули в стороны кочевники, а кто не успел — ложись!.. Ах, какая красивая картинка-то получается! И не противоречивая, что главное. Пока...

Хорошо! Допустим, отсвистал металл, ни один снаряд сбить не удалось, боевая ничья, оба шлепнулись в одном районе, вылупились паучки, расплозились, отъелись — встречаются... По логике должна начаться уже наземная война. Будут шарашить друг друга разрядами — на предмет у кого раньше внутренности сплавятся...

Впрочем, это потом! А сейчас гораздо интереснее проследить цепочку до конца. Накопление идет полным ходом, самый прожорливый становится чудовищем Бальбуса, остальные с ликованием сползаются к нему на съедение, все удары с воздуха отражены, все микроголовки заморожены помехами... И, достигнув критической массы (назовем ее так), накопитель зарывается в землю. Из земли вышел, в землю ушел...

Дальше что?..

А дальше, надо полагать, отключается одна программа (накопление) и включается другая... Зарывшись, накопитель скорее всего прекращает движение (закукливается) и начинает потихоньку перерабатывать неправедно нажитый металл в обоймы боевых единиц, излучателей, в снарядники, начиненные микропаучками... Только не спрашивайте, ради бога, откуда он берет начинку для боеголовок, равно как и ракетное горючее (если это, конечно, и в самом деле ракеты)! Синтезирует, сталь его порази!..

А ведь не так уж и наивна, выходит, местная терминология. Судя по всему, цикл развития микрокомплексов был беззастенчиво содран изобретателями именно у насекомых...

И все равно многое непонятно! По какому принципу, например, они воюют? Каждый за себя?.. Бальбус, помнится, различал в этой металлической кутерьме «союзников» и «противников»... Ладно, время покажет...

Голос Чаги вывел его из посверкивающих металлом грез, и Влад снова оказался в седле посреди недавно разоренной степи с выкошенной местами травой и россыпью осколков под мерно ступающими копытами зверей.

— Что, Чага?

— Человек, — сказала она, щурясь от жесткого полуденного солнца. — Оди. Без зверя.

31

Человек сидел на бруствере, сбросив ноги в окоп и уронив на грудь пегую от седины голову. Костяная лопатка валялась рядом. То ли по контрасту с сединой, то ли потому, что сидел он спиной к солнцу, но лицо его было необычно темным — даже для кочевника. Почти черным.

Влад покосился на Чагу. Та уже была во всеоружии: камни — в руках, ремни намотаны на ладони.

— Не пойму, — тихо призналась она, всматриваясь в сидящего. — На калеку не похоже. И не такой уж и старый. Почему его оставили?

— Изгнали, наверное, — так же, вполголоса, предположил Влад.

Чага в сомнении качнула выгоревшими, ступенчато подрезанными волосами.

— В таком возрасте изгоняют редко...

Они подъехали почти вплотную, и лишь тогда человек поднял голову. Одутловатое, черное от прилившей крови лицо мерцало каплями испарины. Человек дышал часто, с трудом прогоняя воздух сквозь страдальческий щербатый оскал. Левая щека была измята серым глубоким шрамом.

— Армай? — не веря, спросила Чага. — Что случилось?

Тяжелые веки вздернулись, открыв псевдящие палитые кровью глаза. Сидящий всмотрелся, и его потрескавшиеся губы внезапно раздвинулись в счастливой усталой улыбке.

— Имка... — хрипло проговорил он. — Пришла...

Чага и Влад испуганно переглянулись.

— Чага, он бредит! Он путает тебя с Матерью...

Армай медленно перевел взгляд на Влада.

— Кто ты?.. Я тебя не знаю...

— Это Влад, — сказала Чага. — Его оглушило металлом, помнишь? Когда прилетела стальная птица...

— Стальная птица... — забормотал Армай. — Стальная птица... Конец приходит степи... Последний год живем... Три стальные птицы упали... Четвертая будет последней...

— Стреножь зверей! — Чага прыгнула на землю, подошла к окопчику. Наклонилась, всматриваясь, и тут же выпрямилась в смятении.

— Что с ним? — спросил Влад.

— Его уязвил металл, — медленно проговорила Чага.

— Имка... — щербато улыбаясь, повторил Армай. — Я отберу у тебя камни, Имка... Не уходи... Не веди их к отрогам... Пропадете...

— А что, Мать водила семейство в предгорья? — спросил Влад.

— Не знаю, — сказала Чага. — Может быть, давпо... Что с ним делать?

— То есть как — что? — Спутав ноги третьему зверю, Влад поднялся. — Переложим его на кошму, а там придумаем что-нибудь...

— В чем — металл, — с содроганием предупредила Чага.

— Да расплавься он весь, ваш металл! — рявкнул Влад. — Вы уже людьми быть перестали с этим металлом!.. Куда его ранило?

— В ногу, — сказала Чага.

Они раскатали кошму и перенесли па нее Армая. Уложить его не удалось, старик был чудовищно силен — сел, кажется, даже и не заметив, что его пытаются удержать за плечи два человека.

— Металл... — бормотал он. — Металл поднимается во всей степи... Забыли закон...

Влад разорвал широкую шерстяную штанину и осмотрел ногу. Рана была ужасна.

— Заражение крови, — глухо сказал Влад. — Промывай не промывай... И осколок, наверное, внутри...

— Армай! — присев на корточки, допытывалась Чага. — У тебя был зверь! Где он? Тебе должны были оставить зверя!..

— Чага, прекрати! — резко приказал Влад. — О чем ты?!

— Армай! — Не слушая, Чага трясла старика за плечо. — Какой у тебя был зверь? Какой масти?

— Чага!!

Она повернула к Владу бледное от бешенства лицо.

— Кто-то увел у него зверя!

— Зверь... был... — как бы засыпая, проговорил Армай. — Потом... не знаю...

— Что ты его мучаешь! — процедил Влад. — Зачем тебе это знать?

— Действительно, забыли закон! — сказала Чага, ненавидяще оглядывая горизонт. — Трус, сталь его порази! Даже убивать не стал — просто подкрался и увел...

— Металл свидетель! — отчаянно закричал Влад. Потрясая кулаками, он стоял на коленях перед Армаем. — О чем ты говоришь?! Всего-то навсего нужно было вскрыть рану, вынуть осколок, промыть!.. А человека бросают в степи! Стальная птица упади на ваши кочевья, что же вы делаете?!

Армай слушал, недоуменно сдвинув брови и по-стариковски отвесив нижнюю губу. Потом медленно поднял голову — и глаза его прояснились.

— Я тебя вспомнил... — хрипло, с удивлением проговорил он. — Ты вот кто...

Чага вскочила. Армай протянул нетвердую руку и, промахнувшись, взял Влада не за горло, а за плечо. Железные пальцы стиснули сустав, от боли потемнело в глазах, но тут быстро отступившая на два шага Чага взмахнула рукой. Фыркнул, слетая с ладони, сыромятный ремень — и гладкий дырчатый камень с хрустом ударил Армая в висок.

Железные пальцы разжались — словно с сожалением, и Влад, взявшись за плечо, со стоном ткнулся головой в кошму. Претерпев боль, сел, придерживая поврежденную руку. Армай с

проломленным виском лежал рядом. Чага сматывала ремень кистени.

— Мертв? — с ужасом спросил Влад.

— Он бы тебя убил, — сказала Чага. — Не надо было призывать на кочевья стальную птицу... — Закусив губу, она поглядела на усмехнувшееся мертвое лицо Армая. — Все равно ему уже оставалось недолго жить...

— Ты безжалостна, — тихо сказал Влад.

— А ты всех жалеешь, — хмуро ответила она. — Но только почему-то все умирают от твоей жалости...

Они положили Армая в им же самим выкопанную яму и в две костяные лопатки засыпали ее. Потом Чага расседлала зверей и провела их одного за другим по темному пятну свежего утоптанного грунта.

Видимо, так того требовал обычай...

32

Они уходили по разоренным степям на северо-запад, оставив справа территории, над которыми теперь густо ройлся металл. Если верить чудовищно приблизительной карте, набросанной Владом в блокноте, они возвращались к месту его неудачной посадки. Часто пейзаж казался ему знакомым, и Влад готов был побиться сам с собой об заклад, что воп за тем холмом откроется сейчас та самая балка, где он имел глупость, сидя в кроше дерева, дразнить металл лезвием ножа. Однако холм отваливался в сторону, а за ним вместо балки раскидывалась обширнейшая старая гарь с серо-зелеными островками стремительно восстанавливающихся рощ.

Поразительно, с какой легкостью ориентировалась в этом желто-зеленом, слегка взгорбленном однообразии Чага! Впрочем, в последнее время она явно чем-то озадачена и встревожена: прислушивалась, недоверчиво взглядывала вверх, где возникали изредка знакомые мерцающие спирали.

— Что-нибудь не так? — спросил однажды Влад.

— Странно... — сказала она, озираясь. — Опасности нет.

— Ну и хорошо! — воскликнул Влад, но она только тряхнула с досадой криво подрезанными волосами и не ответила.

Местность уже не была такой безлюдной, как три месяца назад, когда они пересекали ее навстречу солнцу: из балок струился синеватый дымок костров, иногда на холме возникал силуэт всадника и, помячив, исчезал. Многочисленные семейства, уходя из-под разящих ударов, хлынули сюда с востока.

Металл истощил здесь свои силы в единоборстве со стальной птицей — вновь поднялась посеченная трава, вытесняя с размолотых участков быстрорастущие, непригодные в корм сорняки, заклюбилися серо-зеленые заросли на пепелищах. В россыпях осколков копошились серебряные паучки, пока еще слишком маленькие, чтобы навлечь на себя удар или лишиться кого-нибудь жизни электрическим разрядом.

Блокнот кончался. Влад эконобил странички как мог, но они были крохотными, эти странички, а записывать приходилось довольно много. Прекратить же вести дневник и ограничиться записью выводов не хотелось — в конце концов Влад был все-

го-навсего пилотом, и его наблюдения имели бы гораздо большую ценность, нежели его догадки и версии.

К его разочарованию, ему так и не довелось увидеть наземной войны между стальными паучками. Накопители жили душа в душу и побоищ не учиняли. Наконец Влад не выдержал и прямо спросил Чагу, почему они не дерутся.

Чага наклонилась с седла и сердито посмотрела на копошащуюся металлическую мелочь.

— Родственники, — бросила она, явно давая понять, что тема эта неприлична. Как, впрочем, и любой разговор с женщиной о металле.

Но Влад не отстал от нее и в течение одного перехода выцедил столько, что, окажись хотя бы половина этих сведений правдой, — уже цены бы им не было!

По словам Чаги выходило, что конфликт «отцов и детей» у металла невозможен в принципе, поскольку к тому времени, когда «дети» начинают роиться, от «отцов» не остается даже осколков. Зато при обильном подножном корме (уничтоженные накопители и прочее) из выводка паучков может получиться не один, а два и больше монстров Бальбуса. Каждый из которых, не забывайте, будущий микрокомплекс. Так вот, микрокомплексы эти по родственным соображениям друг друга якобы не трогают. Мало того, отпрыски их между собой вроде бы ладят. И только в третьем колене микроголовки перестают узнавать троюродных, так сказать, братьев и хлещутся за милую душу.

Туземки (и в особенности Матери семейств) различают степени родства стали весьма тонко. Оно и понятно: вести клан по территории, начиненной металлом враждующим, — есть разница?..

А теперь как бы переложить всю эту семейно-мифологическую терминологию на язык если не строго научный то хотя бы слегка наукообразный?.. А ведь получается, что разрегулировалось-то именно воспроизводство автоответчиков! Помаленьку плывет частота, вот как это называется! А иначе микрокомплексы просто бы не смогли воевать друг с другом — каждый бы на запрос противника пищал: «Я — свой!..»

Влад посчитал чистые листы блокнота. Четырнадцать с половиной страничек. Плохо... Надо что-то придумать уже сейчас. Потом будет поздно...

Он спрятал блокнот в наремпный мешочек и зачем-то оглянулся...

Словно осенние паутинки пересверкивали, сквозь и играя, на фоне пыльно-зеленых клубов буйно возрождающейся рощи.

— Ложись!!! — Влад выхватил ноги из мягких стремяп и кувыркнулся с седла. Откатился, боясь угодить под тяжко рушащегося Седого — и почти в тот же миг взвизгнуло, сверкнуло, ужаснул хрустящий шорох подстригаемой поверху травы, посыпались трубчатые обрезки стеблей...

Влад долго лежал, уткнувшись лицом в землю и не смея поднять головы. В полной тишине журчала вода, выливаясь из пробитого бурдюка. Наконец он решил перевернуться на бок и почему-то шепотом окликнул Чагу. Ответа не последовало.

Торопливо поднялся и кинулся к Рыжей, успев, однако, мимоходом заметить, что Седой и Уголек вроде бы целы и невредимы.

Чага лежала ничком без движения, и Влад даже остановился в страхе...

Она шевельнулась, уперлась ладонями в землю, но почему-то продолжала лежать.

— С тобой все в порядке? — дрогнувшим голосом спросил Влад.

— Да, — глухо и невнятно ответила она.

И Влад осознал наконец, что, не оглявшись он совершенно случайно и не подай команду, лежать бы им здесь сейчас, изрубленным среди скошенной металлом травы.

— Что же ты, Чага... — с мягким укором проговорил он.

Она повернула к нему искаженное мукой лицо — и Влад опешил. В прозрачно-серых глазах Чаги стояли слезы.

— Я... не услышала его... — не веря, выговорила она. — Я не услышала, как он подкрался!..

— Чага!..

— Я смеялась пад Матерью!.. — Голос ее сорвался. — Я говорила, что у нее дряблая матка!.. А теперь я сама не слышу, когда он идет!..

— Чага, девочка... — Влад присел на корточки и растерянно коснулся ее плеча. — Ну не надо так... Каждый хоть раз в жизни ошибается...

— Нет! — Она закачала головой. Брызнули слезы. — Это предгорья... Это подземелья, где мы с тобой были... Я ходила по металлу... Я привыкла к нему... Я перестала его бояться!..

Чага прижалась лицом к земле, плечи ее вздрагивали. Влад беспомощно гладил ее по выгоревшим волосам и бормотал что-то в утешение.

Переход пришлось прервать. Влад взял лопатку и работал до самого вечера, как каторжный, — путь укрытий: два для людей и три для животных. И все это время Чага лежала, уткнувшись лицом в землю, на краю широкой просеки, оставленной металлом в рослой степной траве. Неподвижно и молча — как мертвая.

33

Хвала металлу, наутро она, кажется, ожила — подошла к Владу, колдующему над поврежденным бурдюком, и стала приводить в порядок посеченный сталью полог. Видно, Уголек слегка запоздал вчера с падением, и пролетающий рой чиркнул по выюкам. Хорошо еще, что ни один снарядец не взорвался, впровавшись в скатанную кошму, — тогда бы от скарба остались лохмотья, перемешанные со стальной крошкой. А так, можно сказать, повезло...

Солнце поднялось уже довольно высоко над сидьными узловатыми травами, когда, все починив и поправив, они заседлали и навьючили зверей.

О вчерашнем не было сказано ни слова...

Их не забыли. Пустые овражки со следами поспешного бегства, недорытые и брошенные укрытия, всадники, шарахающиеся за горизонт, — все говорило о том, что клеймо Приручивших металл выжжено глубоко и навеки.

— Ты, главное, не отчаивайся... — умоляюще говорил Влад. — Вот увидишь, Чага: еще два года, и все изменится... Стоит ша-

шим мудрецам заполучить одного-единственного паучка — металлу коней! Его изучат! Ему прикажут остановиться, и он остановится. Он перестанет убивать... Я не злорадный человек, Чага, но, взвешь, когда я вижу этих дурачков, которые убегают от нас, как от металла, я думаю: а что с ними будет потом? Когда мы отберем у них страх, чем они заткнут дыру в своих душах?..

— А если ничем? — неожиданно спросила Чага. Обычно она выслушивала Влада молча.

— Тогда пусть пропадают! — сгоряча бросил Влад, в самом деле разозленный этим дурацким вселенским бойкотом.

— А я? — спросила она. — Тоже?

И, не дождавшись от пораженного Влада ответа, отвернулась и озабоченно оглядела степь.

Внимательнее, чем когда бы то ни было, следила она теперь во время переходов за призрачным блеском в линиях полуденной синеве, за птицами, за зверьками, явно не доверяя уже своему чутью. В прозрачно-серых глазах появился сухой лихорадочный блеск, скулы туго обтянулись побледневшей кожей.

Однажды, выехав на покатый холм, они увидели внизу сизый дымок, встающий над переполненной листвой байкой. А по взгорбленной стени наискосок, пыряя в низины и взмывая над пригорками, к балке летел налегке всадник на коричнево-черном звере, которого, надо полагать, тоже звали Угольком.

— Гонец? — спросил Влад.

— Да, — сказала Чага.

Они остановили животных, ожидая, что будет дальше. У спуска в балку всадник спрыгнул и, ухватив зверя за повод, бегом потащил его вниз, под защиту ветвей.

— От кого ж это он удирает? — задумчиво щурясь, спросил Влад. — От нас или от металла?

— Во всяком случае, не от нас... — сказала Чага. — Его послали с чем-то важным. Вон из-за тех холмов...

Она указала, и почти в то же мгновение, словно подчиняясь движению ее руки, степь между холмами зашевелилась, ожила. Распянувшись цепочкой, на равнину вынеслись десять всадников и еще столько же навьюченных, не отягощенных людьми зверей. Возле балки тоже началась суматоха: первым выбежал уже знакомый гонец, вскочил на своего черно-коричневого, и тот полетел размашистым шагом навстречу приближающемуся семейству. А из балки продолжали выбегать люди, выводя наспех навьюченных и оседлавных животных.

— Не понимаю, — с отчаянием сказала Чага. — Они покидают укрытие!..

Оба отряда, слившись в один, устремились было в их сторону, но затем резко сменили направление и схлынули через соседнюю седловину. Видимо, приметы Приручивших металл были хорошо известны по всей степи: молодая пара с тремя зверьми — рыжим, седым и черно-коричневым...

— Надо уходить, — сказала Чага.

— Почему?

— Все уходит...

Влад оглянулся на седловину, всосавшую недавно оба семейства, и снова стал изучать холмы, что напротив. Небо над холмами было чистое.

— Металл там спокоен...

— Они могли бежать и от людей, — сказала Чага.

Влад усмехнулся.

— Ну и пусть бегут! Нам-то какое дело?

— Это могут быть семейства с севера, — пояснила она. — Там не боятся Приручивших металл. Там о них просто не знают.

— Узнают, — пообещал Влад. — Кишу в них несколько раз осколком — узнают...

— Перестань! — с отвращением оборвала его Чага.

Влад тронул пятками бока Седого и направил его к холмам. Чага нахмурилась, но последовала за ним. Миновав балку, они из осторожности выбрали средний путь — между вершиной и низинкой. Замедленно ступая по косогору, звери вынесли их на ту сторону.

Чага и Влад натянули поводья одновременно.

Внизу прогибалась обширная неглубокая впадина, полная качающейся травы, с низко стелющимися по склонам желто-зелеными клубами ломкого кустарника. В середине ее чернела небольшая округлая гарь, и в центре этой гари, осев на мощные лапы, прижав крылья и запрокинув в небо страшный клюв, сидела стальная птица.

...А в зыбко-голубом зените, прямо над припавшим к земле крылатым чудовищем, равнодушно и слепо посверкивал паутичатый металл.

Ветер играл колким шуршащим кружевом кустов, раздувал вычесанные гривы...

— Чага... — с каким-то сумасшедшим, похожим на всхлип смешком выговаривал Влад. — Металл свидетель, Чага, я не думал, что это случится так скоро...

34

Пилот сидел на броне рядом с приоткиннутым колпаком, опустив ноги на крыло, и с тревожным любопытством следил за приближающимся кочевником. Бог из машины... Конечно, Влад должен был знать его, но на глаза наворачивались слезы, и лицо пилота расплывалось...

Достигнув гари, он остановил Седого, спрыгнул в хрупкий травяной пепел и дальше пошел пешком. Яркий комбинезон шевельнулся.

— Парень! — Произнесено это было по-английски. — Я уверен, ты взял не то направление...

— Господи, Дик... — выдохнул Влад, и теперь уже замерцали, поплыли пятнами гарь, сверкающая машина, желто-зеленые холмы...

Пилот выпрямился и оказался стоящим на крыле. Металл свидетель, это был Дик!.. Не зная, чему верить — зрению или слуху, «бог из машины» глядел во все глаза на загорелого дочерна туземца со шрамом во лбу.

— Это я, Дик, — сказал Влад. — Не узнаешь?

Дик спрыгнул с крыла, схватил за плечи и, все еще не веря, всмотрелся.

— Влад? — спросил он шепотом. — Живой?..

— Отчасти... — почему-то смущенно ответил Влад.

Дик бросил его от себя и огрел кулачищем по спине.

— Влад, дружище! — завопил он на всю степь. — Значит, все-таки уцелел, старый бродяга?

— Типе ты!.. — барахтаясь в объятьях, смеялся Влад. — А то меня сейчас отбивать прискачут!..

Дик выпустил Влада и устоялся туда, где маячил одинокий силуэт всадника на рыжем... ну, скажем, животном. Еще два таких же чудища паслись неподалеку.

— Кто это?

— Моя жена, — сказал Влад, и Дик на некоторое время потерял дар речи.

— П-поздравляю... — выговорил он наконец. — А что же ты ее там бросил? Пусть подъедет...

— Бойтся.

— Меня?

— Твоей «пташки», — сказал Влад. — И вообще всего металлического...

— Ну да, ну да... — Дик несколько опалело покивал. — Я, по правде сказать, глазам, не поверил, когда ты сюда направился... Но, слушай, как же... неловко... Если так, то давай мы к ней подойдем...

— погоди! — сказал Влад. — Как тебе удалось?.. — осекся и вскинул глаза к паутинчатому мерцанию в зените. — Почему оп тебя не трогает?

Дик засмеялся.

— Ты уже сколько здесь кочуешь? Четыре месяца?.. За четыре месяца многое изменилось, Влад. С Земли прислали шесть новых «пташек». — Он хлопнул по крылу. — Ты не смотри, что она внешне ничем не отличается... Чудо, а не машина! Девять радиостанций, да каких! Кому хочешь голову заморочит... А почему эта дрянь нас не трогает... — Дик тоже запрокинул голову и ответил металлу ослепительной улыбкой. — А не видит, потому и не трогает! Нет здесь никакой «пташки»! И нас с тобой здесь нет! Здесь огромный холм, гора!.. Вон они на какой высоте ходят...

Действительно, кроме скользкого поблескивания паутинчатых спиралей, в небе пересверкивала, кружа, стайка серебристых искорок — рой.

— Так... — сказал Влад, мрачней. — Значит, вам уже известно, что «одуванчики» — это локаторы?

— Конечно, — сказал Дик. — Бальбус это доказал сразу же после твоей аварии... Кстати, ты ему здорово помог, наворачившись...

— Ну, ясно, — пробормотал Влад. — Чувствуя, короче, что все мои данные для вас новостью не будут...

Дик снова засмеялся и снова взял за плечи.

— Влад! Да что тебе эти данные? Пусть их Бальбус с Анкой собирают! Благодаря Бога, что жив!

— Здесь благодарят не Бога, — со вздохом заметил Влад. — Здесь благодарят металл... — Он оглядел «пташку» и украдкой пожал кромку крыла. — Это четвертая или уже пятая попытка?

— Седьмая, — сказал Дик. — Просто садились на Восточном материке, за перешейком. Старик почему-то решил, что там безопаснее... Слушай, мне неловко! Леди сидит верхом и ждет! Или ты оттягиваешь семейную сцену?

— Нет, — сказал Влад. — Это выдержанная леди. Она сцен не устраивает. Она сразу убивает.

— Как часто? — деловито поинтересовался Дик и, не дожидаясь ответа, полез на крыло — закрыть колпак.

— Да, вот еще что! — в спину ему сказал Влад. — Пожалуйста, сними с комбинезона все эти блямбы.

Дик удивленно обернулся.

— Я смотрю, ты здесь здорово одичал! Это же не металл, это пластик!

— Ей это все равно, — объяснил Влад.

— А-а... — Дик открепил что можно с комбинезона и закрыл колпак. — Оружие, с твоего позволения, беру с собой...

— Оружие? — тревожно переспросил Влад.

— Не бойся — тоже пластик. Пневматика. Бьет ампулами на пятьдесят метров... — Он прыгнул в черный истоптанный прах. — Ну, пошли — представишь...

И они двинулись к маячившим на склоне холма силуэтам.

— «Пташку» оставлять не боишься? — спросил Влад.

— Ну, я не думаю, что на этой планете найдется еще один сумасшедший вроде тебя, — резонно заметил Дик. — По-моему, кроме нас троих, тут сейчас на сто миль никого не осталось...

— Да уж!.. — Влад усмехнулся. — Видел я, как от тебя удирала!.. Позволь! А когда же ты сел?

— Утром, — сказал Дик. — Вообще-то я уже должен был стартовать, но... Показалось, система одна барахлит... Пришлось нару цепей прозвонить... А честно говоря... — Он зачем-то оглянулся и понизил голос: — Осточертело мне на орбите! А здесь все-таки какая-никакая степь... Солнце встает, сунсы какие-то бегают...

— Сукины вы дети! — уныло сказал Влад. — Тут за жизнь борешься, а они сюда уже как на курорт летают!..

35

Огонь с треском оплетал сухие ветки. Вился сизый увертливый дымок. Подрумянивающаяся тушка зверька роняла в костер взрывчатые капли жира. Подошла Чага, молча перенасаживала тушку с обуглившегося прута на свежесломанный и косо воткнула в землю.

— Так в чем проблема? — спросил Дик, с интересом следя за ее действиями. — «Пташка» рассчитана как раз на трех человек... Или ты хочешь, чтобы я поднял на орбиту еще и трех верблюдов?

Угрюмо поигрывая желваками, Влад глядел в костер.

— Она и подойти к ней не сможет... — глухо сказал он. — Для нее это даже не просто металл — это стальная птица...

— А и не надо! — сказал Дик. — Дадим снотворного, проспится уже на орбите...

— И сойдет с ума в течение суток?.. — Влад со вздохом протянул руку к хворостине потоньше и одним резким движением сломал ее в кулаке. Дик моргнул и уставился на руку Влада. А тот продолжал, не замечая: — Дик, дружище! Ты пойми, у них генетический страх перед металлом! Вообще перед техникой! Уж я-то знаю...

Дик наконец хмыкнул и отвел взгляд от пятерни Влада.

— Что ты предлагаешь?

— Раз она со мной лететь не может... — Влад помолчал, решаясь, и закончил несколько сдавленно: — ...значит, я остаюсь здесь.

Он ссутулился и принялся без нужды ворошить костерок хворостивой. Дик деликатно кашлянул и надолго опустил голову.

— Боюсь, что тебя не поймут, — осторожно проговорил он. — А мне не поверят... Кроме того, не забывай, что срок контракта еще не истек. Старик может просто приказать тебе и...

— Не может, — оборвал Влад. — Я вычеркнут из списков. Я погиб, сталь меня порази!

— Что-что? — не понял Дик.

— Местная божба... — хмуро пояснил Влад.

— Я смотрю, ты неплохо овладел языком... — задумчиво заметил Дик.

— Попробовал бы я им не овладеть!..

Они замолчали. Огонь прилежно обглаживал хворост. Чага еще раз сменила прут и перевернула тушку.

— Из списков ты не вычеркнут, — сказал Дик. — Полной уверенности в том, что ты погиб, не было. Свистопляска в эфире, конечно, творилась адская, но тем не менее какую-то абракадабру принять удалось. Уже после катапультирования...

Влад вскинул голову.

— Смотри-ка! — подивился он. — Значит, что-то все-таки передать успел?..

— Успел... — согласился Дик. — Но я сейчас вот чего боюсь... Что ты попросишь умолчать по-дружески о нашей встрече... На это я, сам понимаешь, пойти не могу.

— Я понимаю... — тихо сказал Влад.

«Бог из машины» качнулся к Владу и ободряюще потрещал по плечу.

— Влад! Пойми! В любом случае ты должен предстать перед стариком и отчитаться. Дальше ты можешь подать в отставку, объявить себя непригодным по состоянию здоровья... Тем более что при посадке тебя, я думаю, тряхнуло крепко...

— Я ее здесь на сутки боюсь оставлять, — буркнул Влад.

Дик с любопытством посмотрел на Чагу.

— Я бы не сказал, что она производит впечатление беспомощной девчонки... Чего ты, собственно, боишься? Здесь опасные места?

— Да нет... — сказал Влад. — Места здесь относительно спокойные. После моей так называемой посадки боеспособного металла осталось немного...

— Ее могут обидеть туземцы?

— Нет, — сказал Влад. — Туземцы ее боятся.

— Из-за тебя?

— Да.

— Ах, вот оно что... — пробормотал Дик. — Понимаю...

И все-таки попробуй ей объяснить!

— Я попробую... — без особой надежды в голосе отозвался Влад.

...Пронзенная очередным прутом тушка остывала в стороне от костра, испуская аппетитнейшие запахи. Дик, страдальчески заломив брови, повел носом, но разделить трапезу отказался.

Ломать радион было рискованно, и Владу пришлось долго растолковывать Чаге, в чем дело. Дик с интересом вслушивался в гортанные звуки чужого языка.

— Ты хоть словарь составил?

— В трех томах! — огрызнулся Влад. — Когда мне было этим заниматься?.. Записи я, конечно, вел, но у меня там все скопом: и язык, и металл... Словом, мешанина...

— Записи? — встрепенулся Дик. — На английском?

— На всяком...

— А не разрешишь полистать, пока вы подкрепляетесь?

— Пожалуйста... — Влад вынул из наременного мешочка блокнот и протянул его Дикю, а сам принял из рук Чаги половину пахнущей дымом тушки. Взглянул виновато на Чагу — и поразился: впервые за последнее время лицо ее было спокойным и лишь немножко грустным.

Ели, по обычаю, молча. Дик лихорадочно листал, впивался в каракули, рожденные большей частью на шатком горбу Седого, то и дело просил объяснить незнакомое или неразборчивое слово. Потом задумался, закрыл блокнот и, постукивая ребром книжицы по колену, стал смотреть на Влада.

— Ну, что? — с набитым ртом осведомился тот. — Прошлогодний снег?

Дик вздохнул.

— Я не знаю, насколько ты поразишь наших технарей... — начал он. — Хотя меня, например, ты уже здесь кое-чем ошарашил... Но то, что этнографический материал тобою собран уникальный, по-моему, сомнению не подлежит... Совет хочешь?

— Разумеется, — сказал Влад, вытерев рот и бросив кости в золу.

— Так вот, дружище... — сказал Дик. — Не будь дураком и не упускай свой шавс. Сам видишь, как быстро меняется ситуация. Сегодня ты герой, сегодня твои сведения бесценны, а завтра до них доберутся и без тебя... Ты хоть сам-то понимаешь, кто ты сегодня?

— Никуда не годный пилот, — сказал Влад. — Вполне подлежащий списанию.

— Ошибаешься, дружище, — ласково возразил Дик. — Ты же не знаешь, что сейчас делается на Земле... А на Земле, оказывается, все масс медиа в последнее время буквально свихнулись на нашей планетке. Мы сейчас из-за этого ни в чем отказа не знаем, Влад! А главный герой — ты!.. Только не поднимай удивленно брови!.. Не Анкона, не Бальбус, не старик... Ты. Пилот, который то ли погиб, то ли не погиб. То ли ступил первым на поверхность, то ли не ступил... Переданную тобой абракадабру расшифровывают все кому не лень...

— Ты что, серьезно?

— Вполне. Вот давай теперь и прикинем, кто же ты такой. Пилот из легенды. Человек, ухитрившийся в течение четырех месяцев выжить на планете металла. Человек, разгадавший тайну микрокомплексов...

— Разгадавший... — Влад горько улыбнулся.

— Во всяком случае, по многим пунктам твое первенство неоспоримо, — нимало не смутившись, ответил Дик. — Изучивший язык! Изучивший обычаи кочевников! Кочевников с планеты ме-

талла, на которых сейчас вся Земля помешана!.. О них фильмы снимают, Влад!

«Бог из машины» закатил победную паузу, но, видя, что Влад по-прежнему сидит, опустив голову, передохнул и продолжил:

— Ты хочешь поселиться здесь? Великолепно! Что называется, точка ко всей истории! Человек, пожертвовавший всем ради любви... — Дик плавно повел ладонью в сторону Чаги, — к прекрасной туземке. Бьюсь об заклад, тебе предложат сыграть в кино самого себя... Но все это при одном условии. Ты сейчас летишь со мной и столбишь участок: надиктовываешь, разъясняешь, работаешь зубами и ногтями...

— А сколько это продлится? — спросил Влад, не поднимая головы.

— Сколько надо! — жестко ответил Дик. — В конце концов, она твоя жена и должна понимать...

Влад молчал. Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, потрескивал костер, где-то рядом фыркали и переступали стреноженные звери.

— Чага...

Она обернулась.

— Чага... — повторил Влад и беспомощно умолк.

— Я знаю, — тихо сказала она и подняла на него прозрачно-серые все понимающие глаза. — Надо.

36

Через плечо Дика Влад видел тлеющие в верхнем углу приборной доски две аккуратные изумрудные буквы — ОК. «Пташка» была готова к старту.

— Что она? — сдавленно спросил Влад.

Дик повернул голову. В профиль он напоминал кого-то из старых американских актеров. Голливуд...

— Все в порядке, — сообщил он. — Стоит. Смотрит.

— Слушай... Открой колпак! — внезапно попросил Влад.

— В чем дело?

— Я должен объяснить ей все еще раз!

Дик неторопливо отстегнул ремни и обернулся.

— Старина! — с некоторым удивлением сказал он. — Ты толковал с ней полчаса, разве не так?

— Мне не нравится, что она такая спокойная, — глухо ответил Влад. — Открой!

— Послушай, — сказал Дик, — если ты сейчас попытаешься вскочить на своего дромадера и...

— Не говори глупостей! — оборвал Влад. — Ты же знаешь, что я этого не сделаю! Но если с ней что-нибудь случится, меня будет мучить совесть — неужели не ясно?

— Пресловутая славянская сентиментальность... — проворчал Дик, но колпак все же открыл. — Имей в виду, до прохождения станции осталось не так уж и много, а мне еще снова проводить контроль... Даю тебе на все десять минут. А лучше — пять.

...Чага видела, как поднялся выпуклый прозрачный панцирь и на крыло стальной птицы выбрался Влад. Сыркнул в пепелище

и торопливо направился к ней. Решил остаться?.. Сердце остановилось на мгновение...

— Чага, — умоляюще глядя, проговорил Влад. — Я должен лететь, понимаешь?

Она долго молчала. Потом сказала безразлично:

— Да.

— Но я вернусь, Чага! Я сделаю все, чтобы вернуться! Ты не откочевывай отсюда, ладно?

— Я не буду отсюда откочевывать, — сказала она.

Лицо ее оставалось неподвижным. Шевелились одни лишь губы.

— Господи, Чага!.. — Влад чуть не плакал. — Ну что же ты вся такая... как из дерева!

На секунду прозрачно-серые глаза стали враждебными.

— А ты как из металла!

«Злится, — с облегчением подумал Влад. — Значит, все в порядке».

— Чага, не злись... — улыбнувшись ей, как ребенку, попросил он. — Я вернусь. Вот увидишь...

Стальная птица курлыкнула — властно и нежно.

— Все, Чага!.. — Влад схватил ее за руки, заглянул в глаза. — Все... Зовет...

Он уходил, то и дело оборачиваясь и совершая странные движения поднятой рукой, словно потрепывал ласково по вычесанной шерсти невидимого зверя. Взобравшись на крыло, потрепал в последний раз — и скрылся...

— А тебе никогда не приходило в голову, — задумчиво промолвил Дик, — что наша так называемая гуманность для них — особо изощренная форма жестокости?..

Он помолчал, не столько ожидая ответа, сколько озадаченно вслушиваясь в им же самим произнесенную фразу. Потом вздохнул и утопил клавишу...

Выпуклый прозрачный панцирь опустился. Влада больше не было. Была присевшая посреди округлого пепелища, медленно задирающая мощный клюв к небу стальная птица.

Стальная птица... Усмехнувшееся мертвое лицо Армая... Уткнувшийся в землю Стрый со снесенным затылком и неподвижные мечтательные глаза Кольченогой... Смертельная змейка металлического лезвия и убитый всадник, зависший с раскинутыми ногами над метнувшимся к земле зверем... Конец кочевью... Последний год живем... И взрывающееся оружие в руке владыки металла, с грохотом оползающий склон... И жалкие, глущие глаза Влада!..

Стальная птица закричала, ударила в землю огнем и прыгнула ввысь. На краю пепелища нехотя завялась, задымила молодая трава. Истошно затрубил Седой. Сотрясая воздух, крылатый металл восстал над холмом, сверкнул — и у зверей подломились ноги. Все трое припали к земле.

Чага стояла, запрокинув голову, как когда-то в неглубоком голом овражке, посреди стальной вьюги... Кружившая в высоте серебристая мошкара растерянно метнулась в сторону, пропуская металлическое чудовище, а затем, словно спохватившись, кинулась запоздало вслед и, не догнав, косо чиркнула по лиловому вечернему небу.

Чага взяла костяную лопатку и пошла к дымящейся, тлеющей траве. Забив огонь, бросила лопатку в пепел и вернулась к

перепуганным, не смеющим встать зверям. Похлопывая по горбосой, с закрытыми глазами морде, уговорила подняться Рыжую, а за ней поднялись Седой с Угольком. Чага освободила зверей от пут и снова запрокинула голову. Стальная птица была еще видна — крохотная, она карабкалась все выше и выше, но крик ее уже не достигал земли.

Он так и не отнял у нее камни... Медленным шагом Чага взошла на голую, как череп, вершину холма и увидела тлеющие развалины заката и алый краешек падающего за горизонт солнца. Под ногами розово блеснул крупный, изогнутый, как кость, осколок. Чага поискала глазами тающую в зените стальную крупинку, но найти уже не смогла... Она стояла одна, посреди пустой степи, оставленной людьми, и только сбитый с толку металл, которому пригрезилось на секунду стальное возносящееся чудовище, рыскал над холмами. Металл, чьего приближения она уже не могла, не умела почувствовать...

В конце концов, она всегда знала, что проклятие Матери рано или поздно сбудется. Чага подвела осколок и, удивившись его нежному теплу, прижала к груди.

Быстрый, светлый, разящий без промаха на этот раз почему-то медлил. Потом, подкравшись сзади, с визгом вспорол воздух у самого уха, и Чага от неожиданности уронила осколок. Некоторое время она оцепенело глядела под ноги, потом заставила себя нагнуться, но подобрать не успела.

Металл ударил в плечо, развернул и, не дав даже упасть на землю, поразил ее в горло.

В горло, а не в печень, как предсказывала когда-то Мать.